

Владимир Лисицын

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕССИРА

Книга 2-я

Владимир Лисицын

Возвращение мессира. Книга 2-я

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23983961

ISBN 9785448513299

Аннотация

Тот, который искушал в пустыне на заре Новейших времён, посетил теперь наше сегодняшнее Время. Что он выдумал на этот раз, как объясняет происходящее с нами и что пророчит в будущем – вы узнаете из данного романа.

Содержание

Часть четвёртая. На Москва-реке	5
15. Причал у дома на набережной	5
16. Призраки из «Леты»	66
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Возвращение мессира

Книга 2-я

Владимир Лисицын

*Памяти Михаила Афанасьевича Булгакова
посвящается*

© Владимир Лисицын, 2017

ISBN 978-5-4485-1329-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть четвёртая. На Москва-реке

15. Причал у дома на набережной

Очнулся Голицын от сочного колоритного баритона Месира. О чём тот ему говорил – он не понял, а понял, что ему смертельно хочется курить. Тогда он потянулся к красной пачке сигарет, и увидел в пепельнице ещё один пепельный скелет второй своей сигареты. И снова он с трудом выловил в пачке сигарету, вынул её оттуда, и с облегчением закурил.

Ночной свет был выключен, и каюта сумрачно освещалась дневным светом от иллюминатора.

Теперь, Голицын увидел стоящего перед ним Князя тьмы, который был одет в шикарный бостоновый костюм цвета «тёмный электрик» в белую продольную полосу, в петлице которого, красовалась алая роза. Под пиджаком его была чёрная сорочка, с маленьким воротничком-стоечкой, как косоворотка, и с алыми светящимися пуговицами, в тон алой розе. На голове его была тёмно-зелёная фетровая шляпа, с широкими разно-загнутыми полями. Был ОН без очков и красив лицом, хоть оно и было несколько скрыто полутьмою.

- Я говорю, что мы приплыли, маэстро, – выговорил ОН.
- Что значит – приплыли?? – почему-то испугался пасса-

жир.

– Москва, – пояснил тот.

– Как, уже Москва? – панически удивился Голицын, прикинув к иллюминатору, и увидев, что причалена их яхта в самом центре столицы.

– Что значит – уже? Пора уж ей и быть, – невозмутимо возмутился капитан.

– Да?

– Да.

– Ну, и что теперь? – недовольно настороженно спросил пассажир, вернувшись на место, и прикрывая одеялом свою наготу.

– Приводите себя в порядок, и поедем обедать.

– Куда – обедать? – ещё больше насторожился пассажир

– В город, куда же ещё, – удивился, в свою очередь, капитан.

– Я не хочу в город, – недовольно сказал Голицын.

– Не хотите пройтись по вечерней Москве? – не понял Мессир.

– Да, не хочу, – упрямо выговорил тот.

– Тяжёлый случай, как гофорт у фас, – пожал плечами Мессир.

– Так, мы для чего сюда прибыли? – поставил вопрос ребром пассажир.

– Здесь у нас пересадка, – спокойно ответил Мессир.

– Какая пересадка?? – снова испугался тот.

– Утром у нас самолёт, – делово ответил Князь тьмы.

– Какой самолёт?? – замер Голицын.

– На Лондон, – пояснил Мессир.

– Какой Лондон?! – попёр как на бочку Голицын.

– Да. У нас там дела, – невозмутимо излагал ему Мессир, – у нас там встреча с Ежену, которая теперь зовётся Александрой.

– Почему Александрой? – увлёкся доводами Мессира Голицын.

– Потому что она крестилась и в крещении наречена была Александрой, в честь Великого князя – Александра Ярославича Невского.

Голицын задумался, вспоминая о чём-то, а потом сказал:

– Ну, а зачем нам Москва?

– Да и гостей мы ждём, – как будто не слыша вопроса своего собеседника, проговорил Мессир. – Видите, Седой нам гостей намывает.

Голицын посмотрел вниз, и увидел рядом с ногами Мессира, обутыми в чёрные лакированные модельные туфли, ко-та, вдохновенно умывающего лапой свою мордочку, и мелькающего своим красным язычком.

– Каких ещё гостей? – спросил Голицын, и впервые, за весь разговор, настороженно посмотрел в глаза Мессира.

– Ну, во-первых – вот-вот должна подойти Лика, – и ОН делово приподнял руку, и посмотрел на свой бриллиант, – она уже прилетела самолётом из Ростова, – прибавил он

к уже сказанному.

– Так её не посадили? – обрадовано спросил Голицын.

– Это она сама вам расскажет, я думаю.

– Ну, а во вторых? – не отставал Голицын.

– А во вторых – сегодня ночью, я должен провести на яхте «Спиритический сеанс». Билеты все уже давно проданы. Участников, естественно, немного. Билеты супер дорогие. А потому, хода назад нет. Вот – ваш билет. Бесплатно.

И Мессир протянул Голицыну билет из твёрдой глянцевой бумаги, сделанный как визитка. На чёрном блестящем фоне было написано золотыми буквами:

с п и р и т и ч е с к и й с е а н с

«ПРИЗРАКИ ИЗ „ЛЕТЫ“»

нервных просим удалиться.

Международный мастер спиритизма

Проф. **ВОЛАНД.**

– А почему вы поставили здесь это имя? – поинтересовался Голицын.

– А почему – нет, если оно так хорошо раскручено на Москве? Что же я буду кочевряжиться, как у фас гофруют? Спасибо Михал Афанасьичу.

– Но это может отпугнуть клиентов, – предупредил Голицын.

– Ну, что вы, – возражающе пропел Князь тьмы, – любителей острых ощущений это вдохновит. Другие же – «Фомы

неверующие» придут, чтобы посмеяться над незадачливым профессором и его громким провалом. Они же уверены, что никакого Воланда не существует. А третьи – придут посмеяться над теми, кто вообще поверил, что это мероприятие состоится, заплатив такие бабки, как у фас гофорят. Так что, всё в порядке, – резюмировал ОН, сверкнув глазом.

Голицын перевернул билет, там был указан адрес: яхта у дома на Набережной. Число и время, на его бесплатном билете, не было проставлено.

– Наденете свой выходной костюм, – сказал Мессир, – в этом, вас не пустят в ресторан, – и, отступив в сторону, ОН открыл вид на висящую на спинке стула белую одежду Голицына, поверх которой красовались его подарочные трусы. – Трусы наденете, а всё остальное, вместе с босоножками, сложите в свою сумку, – распорядился Мессир.

– Какой выходной костюм? – не понимал Голицын, – у меня здесь нет никакого костюма.

Мессир тут же отошёл к шкафу, и возвратился, с висящим на плечиках, костюмом, в одной руке и чёрными туфлями, в другой своей руке.

– Вот ваш тёмно-синий костюм с белой рубашкой и красно-золотым блестящим галстуком. А вот, ваши туфли с узкими носами.

ОН положил костюм на койку, и поставил туфли на пол.

– Что, не узнаете свой костюм? – спросил Князь тьмы чужманеющего пассажира.

– Да, всё понятно, – устало ответил тот, – узнаю.

– Вот и прекрасно, – отметил Мессир, – приводите себя в порядок, одевайтесь, и мы ждём вас у трапа. Пойдём, Седой, – позвал он кота, и они вышли вон.

Голицын долго принимал душ. Ему тяжело было отойти от всего увиденного и услышанного за эту ночь. А может и не за ночь. Он совсем уж потерял время.

Придя из душа, он оделся, выпил чашку горячего чая, сложил свою летнюю одежду с босоножками в сумку, как наказал Мессир, закурил сигарету с фильтром, и вышел из каюты.

У белоснежного трапа его ждал Мессир, в своём полосатом костюме, и с тростью, в правой руке.

– Прошу, маэстро, – изящно указал он на трап.

Сойдя на берег, Голицын увидел на набережной фаэтон, в который запряжена была грациозная вороная кобыла, а на облучке сидел большой чёрный кот, во фраке с белой манишкой и красной бабочкой, и в чёрном цилиндре, на голове.

– Карета подана, господа! – проорал Седой. – Эх, прокачу! Только не жалеёй монету, пассажир, и тогда – хоть на край света.

– Прошу в экипаж, – предложил Голицыну Мессир.

Тот сел в фаэтон, подозрительно глядя по сторонам, Мессир сел рядом, и подал команду коту:

– Гони, ямщик, мы за ценой не постоим.

– Пошла, милая! – залихватски крикнул извозчик, заправ-

ски щёлкнув вожжами, и оглушительно свистнув, как Соловей-разбойник.

И вороная кобылка, в серебряной сбруе, пошла грациозным быстрым шагом.

– А где же Лика? – встрепенулся Голицын.

– А вот она, родимая! – вместо Мессира, откликнулся с облучка кот.

– Где?? – не понял Голицын.

– Да вот же, – воскликнул кот, и ловко выхватив из-под себя кнут, с длинным хлыстом, и размахнувшись им, щёлкнул кобылку вдоль спины, – ховчей, Лика, ховчей пошла! – заорал кот, и как заправский лихач, закрутил над головой кольцом длинного хлыста.

Голицын вопросительно посмотрел на Мессира.

– Всё нормально, – сказал тот, – все на месте. Бэс несёт вахту на яхте, а мы – несёмся по Москве, – попытался сострить Князь тьмы.

Фаэтон промчался по Большому мосту, поднялся по Васильевскому спуску, и Лика, цокая копытцами, пошла мимо храма Василия Блаженного – прямо на Красную площадь.

– Вы с ума сошли! – испуганно зашипел на Мессира Голицын, – куда вас нечистая несёт?! Здесь же полно милиции! Здесь же президентский выезд!

– Да плевать я хотел на президентский выезд! Президентов много, а Я – один. Так что, прошу любить и жаловать, – разгульно проговорил Князь тьмы. – Вот, видите – молодые

милиционеры, только глаза на меня пялят, а седой полковник – честь мне отдаёт – знает свою службу, и я не поленюсь его поприветствовать, – и Мессир слегка приподнял свою фетровую шляпу.

Но больше никто, из многочисленных площадных зевак, не обратил на них особого внимания.

Так, они выехали с Красной площади, и катили уже мимо гостиницы «Москва».

– Застыла родная, в ожидании смерти, – сказал Голицын, осматривая величественный фасад сталинского детища, в огромном ресторане которого, он иногда любил затеряться, в поздний вечер, перед его закрытием, чтобы выпить пару рюмок водки со стаканом томатного сока. Как у себя дома – в Ростове – в буфете «Московского» ресторана. И ни там, ни здесь – отказа никогда не было.

От этих воспоминаний, у Голицына потеплело в душе.

– Снесу-у-ут, – холодно констатировал Князь тьмы.

И под этот холодный аккомпанемент Мессира, Голицын огляделся вокруг, на все эти супер новшества, и ему снова стало не по себе, особенно когда ему на глаза попало пепелище ещё одного знакового здания – «Манежа».

А Лица давно уже свернула влево, прошла мимо Александровского сада, и пошла, пошла, заходя, при необходимости, на тротуары, распугивая зевак-пешеходов, которых надо конечно любить и уважать, но при таком скопище автомобилей, не до сантиментов. И тут увидел Голицын, вдруг вырос-

ший перед его взором – огромный золотой купол с крестом храма Христа Спасителя. И тут же заметил, как Мессир резко отвернулся от увиденного.

– Что, глаза режет? – зачем-то с издёвкой спросил Голицын.

– Хэх! – тут же ответил Мессир, и прибавил, – Поздно. Жертвы второй Великой Отечественной уже состоялись.

И начатый было диалог, тут же оборвался.

А фаэтон, под чутким управлением кота, который, как и полагается заправскому извозчику, успел разругаться с пол Москвы её пешеходов и водителей, выехал на простор Калининского проспекта, /или называйте его теперь, как хотите/. Голицын умирал со смеху от реплик и выходов кота. Но больше всего уморила его реакция граждан на необычного извозчика: все были так!, как любил он говаривать в таких случаях, «задрочены», что никто не обращал никакого внимания, на то, что он ругался, с пеной у рта, с настоящим, только что большим, котом. И лишь некоторые из них, надолго оставляли свой молчаливый взгляд на коте, и о чём-то мучительно вспоминали.

– Да, люди у нас и вовсе, как собаки стали, – кручинясь головой, заметил Голицын.

– А что же вашим водителям, например, не стать собаками, когда с ними так грубо играют, – заметил, в свою очередь, Мессир.

– Что вы имеете в виду? – не понял попутчик.

– Я не буду отвечать вашей грубой шуткой на ваш провокационный вопрос, – пробросил Князь тьмы, – но замечу вам, что – газеты читать надо.

– Я не читаю газет, – нахмурился Голицын, – у меня нет ни желания, ни средств на эти желания.

– Я тоже их не читаю, я так знаю, и доложу вам, что Закон об «автогражданке» – это наглое обдирательство граждан.

– А-а, я что-то слышал об этом, – улыбнулся тот.

– А-а, – передразнил его Мессир, – толи ещё будет. Но я не люблю такой грубой игры по отниманию денег, где не требуется ни ума, ни сердца.

– Главное, что надо иметь для управления нашим государством – это наглость и полная отморозенность, сказал Голицын, и лениво прибавил, – хотя управлять у нас никогда не умели – у нас властвуют.

– Но вы счастливый человек, – оживился Князь тьмы, – у вас нет ни автомобиля, ни работы, ни квартиры своей. И, наконец, у вас нет жены. У вас ничего нет. Как будто вы и не жили никогда в этом государстве.

Голицына точно молния пронзила.

Он посмотрел на своего собеседника, но тот надел на глаза свои зеркальные очки, и лишь потом сказал:

– Разве я не прав, маэстро?

Голицын промолчал, отвернулся, склонил голову, и о чём-то задумался. К горлу его подступил совершенно неуместный ком. Но он пересилил себя, и, проглотив не прощенный

ком, поднял голову, и, как ни в чём не бывало, сказал:

– У нас, один такой вот – поверил, развернулся в своём деле, и всё заимел. Ну и что?

– Что? – не понял Мессир.

– Посадили, что.

– Я фас понимает, – с ломанным иностранным акцентом сказал, через паузу, Мессир.

– Нет, это я про другой случай.

– И про другой – я фас понимает, – кивал головою ОН.

– У нас же, страна – сплошная лагерная зона, как её не открывай, и не разгораживай. И какие законы ни пиши, действовать здесь будет один закон – «ТАЙГА».

– Тр-р-р, – раздался голос кота, – приехали!

– Прошу вас, маэстро, – сойдя с подножки фаэтона, – сказал Мессир

Голицын вышел из экипажа, и спутники тут же вошли в небольшое помещение ресторана, где Князь тьмы предъявил швейцару, а затем, метрдотелю, какую-то бумажку, и они стали кого-то дожидаться.

Голицыну казалось, что голова его налилась свинцом. Он ничего не соображал и был никак не адекватен обстоятельствам – посещения ресторана, как увеселительного заведения.

Но вот, зацокали женские каблучки, и в ресторан вошла Лика.

Но Голицын тупо смотрел в пол, пока не увидел там, при-

близившиеся к нему – серебристые босоножки, на высоком каблуке и с пряжками вокруг ножек одетых в чёрные соблазнительно-сетчатые чулки. Тогда он поднял голову, и увидел Лику, в чёрном платье с кружевным рисунком вышитым тонкой серебряной ниткой и, как всегда – супер коротком. Но зато застёгнуто оно было под самое горло и с длинными рукавами. На голове её был, непривычный для её лица, парик из чёрных волос. А через плечо и до бедра Лики, висела серебристая лохматая сумочка.

– Здравствуйте, Пётр Григорьевич, – выговорила она своим поскрипывающим низким голосом.

– Здравствуй, прелесть, – растерянно поздоровался он, и взял, и поцеловал у неё руку, – как тебя встретила Москва – столица нашей Родины? – дежурно поинтересовался он.

– Ха! – иронично воскликнула Лика, – не успела я выйти из аэропорта, как меня тут же оштрафовала милиция..

– За что?! – изумился Голицын.

– За то, что я не зарегистрировалась, как приезжая из России в Россию.

– Так ты же только прилетела! Как ты могла зарегистрироваться?! – стал доказывать он ей, как будто она была милиционером, а не пострадавшей нарушительницей «славного» Закона.

– Так я им то же самое и толковала, – объясняла она беспомощно своему собеседнику. – Но уж лучше я заплачу, чем следовать за ними в Отделение. Знаем мы их «ОТДЕ-

ЛЕНИЯ». Тем более что срок на мне уже висит. Я теперь на том же

положении, в нашем обществе, на каком была Ангелина Владимировна. Как интересно мы живём! – весело заключила она.

– И на какую сумму вас, извиняюсь?.. – вмешался в их разговор Мессир.

– На три кусочка, – небрежно бросила Лика.

– На три-и?! – глубоко возмутился Голицын.

– Ха! – воскликнул Князь тьмы, – я вас предупреждал – «то ли ещё будет» вам от вашей «бюрократо-номенклатурато», строящих свой капитализм! вспомните вы тогда МЕНЯ! Да боюсь, что поздно будет, – заключил ОН, и уже другим тоном сказал, – ну, довольно о ваших глупостях. К столу пора.

Их проводили к столику, где они уютно расселись по креслам.

– Так, выходит, извиняюсь, ты нас везла? – спросил её Голицын, удивляясь сам своему нелепому вопросу.

– Такова участь наших женщин – ничего удивительного в этом нет, – просто ответила она.

Возникла пауза, и Мессир подал меню даме.

– Да, но тебя довольно лихо ласкали кнутом по спине, – не отставал Голицын, – тебе разве не было больно?

– Мне не привыкать, – ответила она, продолжая знакомиться с меню. – Видите, в каком я закрытом платье? Это я

синяки свои прячу.

– Боже, я и забыл! Тебя пытали в станице?! – подскочил он в своём кресле.

– А как же, – спокойно ответила она.

– И ты призналась??

– А куда ж я денусь, – так же спокойно ответила она, роясь в своей сумочке.

– И ты сказала им, что ты убила Зою??

– И Зою, и Зоиного мужа, – говорила она, надевая на свой носик аккуратные очёчки, – но поджог коровника, в чём я, кстати сказать, призналась, с меня сняли.

– А на кого повесили? – заинтересовался он

– На короткое замыкание – от стихийного бедствия, – про- бросила она, внимательно вчитываясь в меню.

– И был суд?

– Бы-ыл, – иронично протянула она.

– И что?

– Четыре года, – сказала она, не глядя на собеседника, а выставив перед ним руку свою с четырьмя торчащими пальцами, и загнутым к ладошке большим пальцем. – Условно, – прибавила она, и убрала руку.

– За два убийства – четыре года условно?? – удивился Голицын.

– Ну, они нашли жутко смягчающие вину обстоятельства, – игриво-элегантно проговорила она, и тут же обратилась к подошедшему к их столику официанту, – так, мне «Са-

лат по-французски», «Жаркое по-русски», «Овощное рагу по-грузински»,... так, что у нас за фрукты на столе? – стала рассматривать она содержимое фруктовой вазы, – ага, всё нормально. И бутылочку французского «Божуле». Всё, – закончила она, и убрала очки.

Официант поднял глаза на мужчин, и приготовился фиксировать их пожелания.

Голицын, покраснев лицом, взял в руки меню, и посмотрел на Мессира.

– Нам то же самое, – сказал тот официанту, – но без вина – нам и бутылочки хватит.

– Хорошо, – вежливо сказал официант, и отошёл от их столика.

– А где же музыка? – поинтересовалась Лика, глянув по сторонам.

– Ещё не время для музыки, – успокоил её Князь тьмы.

И в это время, в зал ресторана, медленно и по-хозяйски вальяжно, вошёл чёрный котик, с сединой под носом. Он подошёл к соблазнительным ножкам Лики, и запрыгнул ей на колени.

– Ты фаэтон отправил? – спросил кота Мессир.

– Отправил, – недовольно буркнул тот.

– Молодец, – похвалил его Мессир. – Она тебя покормит, – кивнул он на Лику.

А Голицын всё ещё никак не мог отойти от её рассказа.

– Слушай, Лика, прелесть, тебе обязательно нужно пока-

заться врачам, – сказал он ей жалеючи, – а то, после таких побоев бывают очень плачевные последствия.

– А, ничего, – махнул рукой Мессир, завидев подходящего к ним официанта, с подносом полным блюд, и устраивая на подлокотник кресла свою трость, – на них, как на кошках, всё заживает, – закончил ОН свою мысль о последствиях побоев.

– А это что, ваша кошка? – строго спросил официант, представляя блюда.

– Это не кошка, это – кот, – пояснил ему Мессир.

– Ну, всё равно, – так же строго сказал официант, – это ваш кот?

– Наш, наш, – недовольно отозвался кот, отвернувшись от публики, и уткнувшись мордой в уютный женский уголок, между ногами и животиком Лики.

Официант глянул на Лику, по-дурацки улыбнулся, и ничего не поняв, пошёл прочь от их столика.

Мессир разлил вино по бокалам. После чего, Голицын взял в руки бутылку, и, поинтересовавшись этикеткой, поставил её на место.

– За русских женщин, не знающих износа! – вдруг сказал Мессир, подняв свой бокал.

– Это, чтобы они были готовы к дальнейшим побоям? – съехидничал Голицын.

– Потом вы произнесёте свой тост, – недовольно сказал Князь тьмы, – а пока что, пьём за сказанное МНОЮ.

Спутники содвинули свои бокалы, и молча выпили. Стали есть.

Во всём ресторане было так тихо, что стало слышно беспрерывное и всё усиливающееся урчание кота.

– По-моему, кот сейчас кончит на мне, – проговорила Лика, не отрываясь от еды, – или я кончу. Он так работает своими лапами... – повесила она в воздухе свою незаконченную фразу.

Голицын отрывисто захихикал, спрятав лицо под себя, и проговорил:

– Когда у меня была Хунта, и когда мне было очень тяжело, она забиралась на диван, ложилась мне на грудь, и вот так же урчала перебирая лапами. И мне становилось легче – она словно оттягивала что-то дурное от души моей. Но потом она доходила до исступления в своём ворчании, и я, пугаясь этого, в конце концов, убирал её со своей груди.

– Ну, наконец-то я поняла – вы панически боитесь расплавленных женщин! – громко воскликнула Лика, и вызывающе расхохоталась.

Мессир же взялся за бутылку, чтобы наполнить бокалы.

– Мне не наливайте, – вдруг категорично заявил Голицын, выпрямив спину.

– Что ж так? – спросил Мессир

– Мне не нравится это вино, – отрезал тот окончательно.

– А мне наливайте, – в пику Голицыну, сказала Лика, обращаясь к Мессиру.

И тут же, перед их столиком вырос официант.

– Какие-то проблемы? – поинтересовался он у своих клиентов.

– У вас есть церковное вино? – строго спросил его Голицын.

– Мы же не в церкви, маэстро, – успокаивая Голицына, как ребёнка, сказал Мессир.

– Вы имеете в виду «Кагор»? – наклонив голову к Голицыну, спросил официант

– Да, я имею в виду – «Кагор», – конкретно сказал ему Голицын.

– У нас есть отличный отечественный «Кагор», – порекомендовал официант.

– Вот и отлично, – сказал, в свою очередь Голицын, – налейте мне бокал «Кагора», но только из бутылки. А бутылку откройте здесь – на моих глазах, – прямо-таки потребовал он.

– Желание клиента – для нас закон, – вежливо сказал официант, и пошёл за «Кагором».

– Вы не причащаться вздумали, маэстро? – поинтересовался Мессир, наполнив бокал Лики, и налив вина в свой бокал.

– Не ваше дело, – ответил Голицын.

Пришёл официант с бутылкой «Кагора», держа его в белой салфетке, и со штопором, и новым бокалом в другой руке. Он ловко и быстро открыл бутылку, и налил в новый бо-

кал чёрно-красного вина.

– Спасибо, – поблагодарил его Голицын.

– Пейте на здоровье, – отозвался официант.

– Скажите, – обратилась к официанту Лика, – а у вас есть сигары «Соломея»?

– Есть, – тут же ответил тот.

– Принесите, пожалуйста, мне одну сигару, – манерно попросила она.

Официант, согласно склонив голову, ушёл.

– А где же ваши! хвалёные сигары? – грубовато спросил Голицын Мессира.

– Но у меня они не женские, – спокойно ответил Князь тьмы, и выложил на стол портсигар тёмно-коричневой кожи, и золотую зажигалку.

Лика демонстративно подняла свой наполненный бокал, и сказала, нараспев:

– Мне и в самом страшном сне не могло бы присниться, что меня будут судить за убийство, оправданное моей безумной ревностью к Петру Григорьевичу. А потому, и предлагаю выпить за то, чтобы такие нелепости – больше не повторялись.

Мессир изобразил на своём лице саркастическую улыбку, и поднял свой бокал.

Заметив мину Князя тьмы, Голицын, снисходительно улыбаясь, глянул на Лику. Потом перевёл взгляд на уже совсем громко урчащего, и интенсивно перебирающего лапами

по женским ногам, кота. И снова посмотрев на Лику, наигранно-лениво поднял свой бокал с исчерно-кровавым «Кагором».

Спутники зазвенели бокалами, и начали попивать вино.

Пришёл официант с сигарой и зажигалкой, на маленьком подносе, застеленном кипельно-белой салфеткой.

– Прошу, мадам, – склонился он, с подносом, перед Ликой.

– Зовите меня – мадмуазель, – капризно сказала она ему, и взяла с подноса сигару.

– Как вам будет угодно, мадмуазель, – сказал тот, и извлёк пламя из зажигалки.

Лику раскурила сигару, и официант удалился.

Раскурили свои сигары и мужчины.

Отпив вина из своего бокала, и насладившись ароматной затяжкой сигарного дыма, Лику взяла из вазы большой апельсин, и стала медленно очищать его своими тонкими музыкальными пальчиками, соблазнительно улыбаясь, и время от времени, кося глазками в сторону Голицына.

Кот же, всё урчал и урчал, зарываясь мордой в уютный и тёплый женский уголок, и не переставая работать подушечками своих шаловливых лапок.

Лику отрывисто и грязновато захохотала:

– Ха-ха-ха! Седой, я же и вправду могу кончить, так!

– А вы говорите, маэстро, что её зря стегали, – заметил Мессир Голицыну, указывая длинными пальцами, с сигарой,

на Лику.

И Лика снова развязно захохотала.

– Кругом сплошной садомазохизм, – недовольно пробурчал Голицын.

И Лика захохотала с новой силой.

– Ну, если вы, маэстро, даже боярыню Морозову, в своей одноименной пьесе, не пожалели, – говорил Мессир, перекрывая смех Лики. – Хлещите её там так, что мало никому не покажется, то, что же о простых смертных говорить?!

– Там её пытаются – и это понятно, – отговаривался автор.

– Так и её пытали, – урезонил его Князь тьмы, кивнув на Лику.

– А я говорю о другом садомазохизме. Например, о том, что ВЫ, Мессир, устроили на своём балу, в станице, – проговорил Голицын, как прокурор, произносящий обвинительную речь.

– Совершенно верно, это был садомазохизм, как вы сами изволили это назвать, а не садизм. Они того сами желали, – отвёл обвинения пассажира Мессир.

– Откуда вы знаете – чего они желали?

– Я-то знаю, – криво улыбнулся Князь тьмы краешком своих губ, – сами они, могут, кстати, и не знать, а Я – знаю.

– А вы что же, написали пьесу о боярыне Морозовой? – спросила Голицына Лика, давно отошедшая от смеха.

– Я тебе говорил – ты забыла, – укорил её автор.

– Ха, – вдохнула она в себя, – забыла. Точно, – сыгра-

ла она. – Надо прочитать. – И она, взяв пальчиками дольку апельсина, сказала, – вы дадите мне прочитать свою пьесу, Пётр Григорьевич? – и выразительно вложила пол дольки апельсина себе в ротик, а другую половинку, вызывающе-соблазнительно высунула изо рта, явно зазывая Голицына – откусить эту половинку, прямо от её губ.

– Боярыня Морозова у вас – и падкая до мужчин женщина, – продолжал своё обсуждение пьесы Мессир, – и распутная гитеро-сексуалка, и ярая поборница «Старой веры», и неистово верящая во Христа. Не многовато ли это для одной персоны??

– Это даже маловато, князь, – отвечал Голицын, не отрывая своих лениво-озлобленных глаз от упрямо смотрящих глаз Лики, продолжающей держать в губах своих – высунутую наружу половину апельсиновой дольки, предлагаемую автору непрочитанной ею пьесы.

– Я не хочу, есть апельсин, – наконец выговорил Голицын Лике. – А что касаясь этой пьесы, то я и в ней использовал тебя в лице одной из персон. Видишь, значит, чем-то ты всё-таки продолжаешь волновать меня.

Она же, зажевав свой апельсин, холодно сказала ему:

– Это просто потому, что вы не обладаете мною.

И Голицын глубоко затянулся сигарным дымом. И наступило всеобщее молчание. И даже кот затих в своём урчании.

Глаз Мессира из-за его зеркальных очков видно не было, но чувствовалось, что он внимательно наблюдает за этой сце-

ной.

Ли́ка же, держа между пальчиками сигару, и наблюдая за её дымными кольцами, исходящими от горящего конца, заявила:

– Но я не умею любить, чтоб вы знали.

– О! Это-то я знаю, – с некоторым облегчением сказал Голицын. – Это я давно почувствовал, – прибавил он, и отпил вина из своего бокала.

– Ну, так и что же мне теперь делать? – спросила она через паузу, и ни на кого не глядя, а, продолжая смотреть на дымящийся конец сигары.

– Ну, мало ли, что мне иногда хочется, – проговорил Голицын менторским тоном, – иногда обуревают такая животная страсть, что кажется – разорвал бы!.. Но,.. обстоятельства и голова не позволяют сделать этого.

Кот снова громко заурчал, усиленно массируя лапами у паха Ли́ки.

Ли́ка откинулась на спинку кресла, стала гладить кота по его длинной чёрно-серебристой шёрстке.

– Вот так и вы когда-то меня гладили, помните? – обратилась она к Голицыну.

– Помню. Конечно, помню, – отозвался он.

– Но ничего у вас со мной не получилось, – констатировала она.

– Не получилось, – согласился он.

И в этот момент, она взяла кота за холку, и посадила его

на пол. И взгляд Голицына упал на её открывшиеся, до самых пажей, соблазнительно белеющие ножки в чёрной сетке её эпатирующих чулок. Ноздри Голицына вздулись, дыхание его сбилось, он стал задыхаться, и они встретились взглядами.

– Официант! – вдруг выкрикнул Мессир, – счёт!

Лица резко встала из своего кресла, и направилась к выходу.

Голицын последовал за ней.

Они вышли на улицу. В окнах домов отражался жёлтый свет, клонящегося к закату солнца. Между ними сидел на тротуаре кот, но он не смотрел на них, он напряжённо смотрел перед собой, в какую-то, одному ему известную точку.

Всё тело Лики было так же напряжено и наэлектризовано – это Голицын ощущал всем своим существом. И от этого, или оттого, что на улице было довольно прохладно, не смотря на то, что было лето, Голицына колотила крупная дрожь.

Но из ресторана вышел Мессир, и с порога сказал:

– Друзья мои, пора двигаться дальше!

И ОН указал стальным остриём своей трости направление их дальнейшего движения. Сталь острия тут же сверкнула золотым отражением солнечного заката, и спутники тронулись в путь.

Они сразу же свернули в какой-то переулок, потом ещё и ещё. Переулки были старыми, но эту их прелесть Голицын

сейчас не замечал. Ему было не по себе, и он никак не мог справиться со своей дурацкой дрожью. Он только слышал стук её каблуков, мерно и вызывающе стучащих по асфальту.

– Так чем же закончилась твоя эпопея в станице? – поинтересовался Мессир у Лики, нарушив нервно-натянутое молчание.

– Дерьмом, – коротко ответила она.

– В каком смысле? – не понял ТОТ.

– В прямом, – снова коротко ответила она. Но потом стала расшифровывать. – Когда я зашла в их милицию за своими документами, и забрала их, и стала выходить оттуда, то старший сержант двинулся провожать меня. Но по улице, навстречу нам двигалась его жена, о чём он успел сообщить мне. Старший сержант остановился, а я пошла дальше. И как только, эта жена приблизилась к своему благоверному, из туалета, что стоял во дворе Отделения, вырвалось высокое искрящее пламя! А за ним, ударил фонтан дерьма, который залил всё здание милиции, старшего сержанта с его женой, весь двор, и лавой начал разливаться по улице. Народ амором стал разбегаться в разные стороны, чтобы не утонуть в этом дерьме. Такая вонь распространилась по всей округе, что не чем было дышать! Конечно же, я побежала прочь. У бабкиного дома меня ждала машина, присланная вами, капитан, я попрощалась с бабкой Олей, села в машину и уехала в Ростов. Вот, и вся моя эпопея.

– Ха, ха, ха, – сказал Мессир, и удовлетворённо стих.

И только теперь, Голицын понял, что они вышли на декоративную мостовую Старого Арбата, с его надуманными фонарями и праздно шатающимися толпами заезжих туристов.

И тут Голицын, мельком взглянув на Лику, спросил, глядя в кишащее людьми пространство:

– А где же наша Ангелина Владимировна?

И Голицын, не услышал – нет, а ощутил, как засопела в свои две дырки – Лица.

Но, выдержав паузу, ответил на вопрос Голицына Мессир:

– Наша Ангелина Владимировна – по особо важным заданиям работает.

– Жаль, – посетовал Голицын, – вот из неё бы – вышла действительно породистая белая классная лошадь.

– Да, – тут же отозвалась Лица, – но только декоративная – цирковая лошадь, с такими дурацкими перьями на голове, – и она развязно вызывающе захохотала своим скрипучим отрывистым смехом.

– Так, – сказал, остановившись, Князь тьмы, – здесь наши пути расходятся.

И вся компания остановила свой ход, и внимательно посмотрела на князя.

А тот продолжил свою вводную, глядя вдаль:

– Ты, Лица, пойдёшь туда, – указал ОН тростью, острие которой, уже отражало розовый цвет заходящего солнца, – упрёшься в кинотеатр, обойдёшь его слева, а дальше пойдёшь тем же путём, что и сюда – через Красную площадь,

через мост и на яхту. Там встретит тебя Бэс. Кота возьмёшь на себя. Ступайте.

– Да, Пётр Григорьевич, – вспомнила о чём то Лика, и полезла в свою сумочку, – это ваши трусы? – и она вытащила из сумочки, завёрнутые в целлофан, мужские трусы. – Я нашла их у Зои, за печкой, – и она всучила ему в руки плоский пакет. – Пока, – сказала Лика Голицыну, и подставила ему щёчку для поцелуя.

– До свиданья, – сказал он ей, и поцеловал её в подставленную ему щёку.

Так, они распрощались у высоких колонн знаменитого Театра, и Лика, взяв кота себе на плечо, зашагала вдаль по Старому Арбату, размеренно чётко стуча острыми каблучками своих серебряных босоножек, по его декоративной мостовой.

Голицын же с Мессиром, какое-то время, смотрели ей вслед.

И тогда, увидел Голицын, как Лика снова превратилась в вороную кобылицу, гулко цокающую своими копытцами по Арбатской мостовой, и как бы, дразня Голицына, нарочито виляла своим грациозным лошадиным задом, игриво помахивая приподнятым хвостом. А на спине её восседал чёрный кот.

Бродящий по Арбату люд расступался перед ними, и подолгу, с удивлением, смотрел им вслед.

– Мы пойдём другим путём! – громко сказал Мессир, чем и оторвал своего спутника от щемяще-тоскливой картины – уходящей вдаль кобылицы.

Голицын быстро спрятал пакет во внутренний карман пиджака.

И они свернули в переулок, минуя знаменитый вышеупомянутый Театр, и его не менее знаменитое Училище, возле которого кучкавались юные создания. «Наверно абитуриенты „Щуки“» – подумал Голицын. И вспомнилось ему, как заходил он сюда с Любой, во время её экзаменационной сессии, и как увидел он – стоящего в вестибюле, и что-то, кому-то, объясняющего, интеллектуала белой кости – Евгения Рубеновича Симонова, с медальным профилем его матово-бледного лица. А потом увидел, тяжело поднимающуюся по лестнице училища – знаменитую красавицу-актрису, в которую были влюблены все мужчины Советского Союза когда-то, но теперь – совсем пожилую женщину – Людмилу Целиковскую. Бабушка-старушка поднялась по ступеням, и остановилась на лестничной площадке, чтобы перевести дыхание... И вспомнилось Голицыну сейчас, как будто это было вчера, как защемило тогда его сердце, при виде этой грустной картины, ужасающе реально говорящей – о безжалостно бегущем ВРЕМЕНИ.

Опомнился от своих воспоминаний Голицын, когда прошли они с Мессиром под аркой высотного здания, и вышли на шумный простор Нового Арбата, /или называйте его те-

перь, как хотите/.

Когда же они пошли по этому широченному проспекту, в ту же сторону, в какую Мессир отправил Лику, то Голицын не утерпел, и высказался:

– Мессир, мы же идём в ту самую сторону, куда вы отправили Лику.

– Ну, и что? – невозмутимо ответил тот риторическим вопросом.

– Ничего, – не менее риторически ответил ЕГО спутник.

– Ну, так и идите. Молча, – сказал, как отрезал, Мессир. – Потом, помолчав, спросил, – Вы наелись?

– Наелись, – грубо ответил тот.

– Вот и хорошо.

– Хорошего тут мало, – снова дерзил пассажир.

– Если сегодня – мало, значит, завтра – будет больше, – продолжал спокойно парировать грубые посылки своего спутника Мессир.

– Больше, ширше, глубже, – продолжал недовольно бурчать пассажир, стоящей на приколе, где-то у дома на Набережной, яхты. – Кстати, – спохватился он, – а почему вы не поставили яхту свою прямо под стенами Кремля?!

– Для чего?

– Для пушшего эффекта!

– Я подумаю, – так же, в русле полного спокойствия, ответил Князь тьмы.

– Подумайте, – посоветовал пассажир. А потом вдруг,

как бы о чём-то вспомнив, прибавил, – «Но учтите, пока вы будете думать, всё это! может сгореть».

– Что – это? – не понял Мессир.

– Всё – это, – уточнил тот, не уточняя.

Так, они шли, шли, и дошли до того самого Кинотеатра, который упоминал давеча Мессир, как ориентир для Лики.

И тут, в багровом цвете заката, Голицын увидел, повергшую его в трепетный страх, картину: на вороной кобыле, идущей спокойным ровным шагом, стоял на задних лапах кот, как цирковой трюкач-наездник, в полный свой рост, во фраке, бабочке и цилиндре. Передними же лапами – он бойко размахивал, как опытный оратор, и что-то вдохновенно орал, обращаясь к стоящей здесь, и проходящей мимо публике.

– Что это, Мессир?! – задавлено произнёс остолбеневший Голицын.

– Что? – прикинулся ТОТ, как будто ничего не видел вокруг.

– Мы так не договаривались, любезный капитан! – тихо вспылil пассажир.

– А мы с вами вообще не о чём ещё не договаривались, – строго сказал капитан, – идите за мной, и не останавливайтесь, – приказал ОН, и пошёл, спускаясь в подземный переход.

Голицыну ничего не оставалось делать, как следовать за НИМ. В гулком же переходе, он вдруг услышал слова ис-

ходящие от одной громко говорящей компании прохожих: «Да, это же кино сейчас снимают, по-Булгакову, „Мастер и Маргарита“. Там же – и кот, и чёрные кони, вспомни». Голицын посмотрел на впереди идущего Мессира, но тот шагал, как ни в чём не бывало, грациозно опираясь на свою стальную трость. И как будто, ничего не слыша, и не видя вокруг.

Они вышли из перехода на другую сторону, и вошли в улицу, удаляющуюся в сторону от проспекта. А Голицын всё оглядывался, и оглядывался назад и по сторонам.

– Вам знаком этот дом? – услышал он голос Мессира, и увидел, как тот, указывает тростью, как учитель указкой, на жёлтый дом слева. – В этом доме умирал Гоголь, – пояснял Князь тьмы Голицыну, как заправский экскурсовод.

– А вы похожи сейчас на Маяковского, шагающего по Москве, и возвышающегося над суетной толпой прохожих, как командор из пушкинского «Каменного гостя», – кричал ему вслед Голицын.

– А вы видели Маяковского? – спросил Мессир, не оглядываясь.

– Читал, но не видел, конечно.

– Увидите, – конкретно пообещал ему Князь тьмы.

Наступили те самые – обманчивые сумерки, когда можно спутать утро с вечером. И теперь, перейдя череду дорог, Голицын понял, что Князь тьмы повёл его по Тверскому бульвару.

– Уж не в «пенаты» ли вы меня ведёте? – спросил Голицын.

– В какие такие – «пенаты»? – не понял Мессир.

– В какие-в какие – в «Горьковские» – в Литинститут, – пояснил тот.

– И туда тоже, – просто подтвердил ОН.

– Зачем? – настороженно удивился Голицын

– Ну, так – повидаетесь, на халяву, как гофорят у фас.

– Спасибо, – сыграл раболепство Голицын.

– Идолопоклонствуете?! Ха, ха, ха, – сыграл, в свою очередь, некоего идола Мессир, захохотав по-шалаяпински.

И с этим мефистофельским смехом, ОН свернул на Малую Бронную улицу.

И тут, почему-то, Голицыну стало совсем не до шуток. Одно дело – читать начало булгаковского романа, или рисовать его зарождение красками на бумаге и безо всякой живой природы, но совсем другое – очутиться на том же месте, с сомнительным персонажем романа великого писателя, воочию.

Сумерки сгустились, и полосатый костюм Мессира цвета «электрик» засветился в этих сумерках, как неоновая рыбка. Нет, не ярко, а так – еле заметно. Но он явно светился.

И что ещё заметил Голицын, так, это то, что шаг Мессира, и шаги его самого – замедлились, и даже – стали тягучи. Может, Голицыну это и показалось, оттого, что ноги его цепенели, в каком-то, необъяснимом страхе.

Но когда они минули, одноименный с этой улицей, Театр, что стоял на той стороне её, костюм Князя погас, и стал просто чёрным в белую полоску.

А на город спустилась вечерняя тьма.

– Что за чертовщина?? – сказал Мессир, и остановился на углу, с которого открывался вид на «Патриаршие пруды».

И Голицын увидел, что ТО САМОЕ МЕСТО, на «Патриарших прудах», было ярко высвечено прожекторами, и было там довольно многолюдно.

– Вот теперь – правда – кино, – сказал, догадавшись – в чём тут дело, Голицын.

– Какое кино? – не понял Мессир.

– Кино снимают про ВАС, профессор Воланд! – вызывающе воскликнул осмелевший спутник знаменитого профессора.

– М-м-м, – догадливо промычал тот, – ну, ничего, сейчас мы быстренько всё устроим.

– Я вас умоляю, ничего не надо устраивать, – тихо взмолился, перепугавшийся снова Голицын.

– Нет, – не согласился с ним Князь тьмы, – я наметил здесь наш перекур, в тиши у вечернего пруда.

И только он это произнёс, как на той стороне, у пруда, стали взрываться лампочки, и несколько прожекторов погасло.

Мессир же, поднял вверх свою трость, раздался хлопок, и над спутниками раскрылся купол профессорского зонта.

– Зачем вы открыли зонт?? – испуганно насторожился Го-

лицын.

– Сейчас пойдёт дождь, – делово ответил Мессир.

– Откуда дождь? – возмутился тот, – ведро стояло.

– Тучка, – ласково ответил Князь тьмы, – случайная тучка залетела, и именно сюда – на «Патриаршие пруды».

И пошёл дождь.

И люди, под прожекторами, засуетились. Оттуда послышались какие-то команды, выкрики. Погасли прожектора. Загремело и зазвякало грузимое в машины железо. Запытели автобусы, заурчали машины, включив свои фары. И всё разъехалось, и все разошлись. И стало тихо, как того и желал князь. И только шумел дождь, стуча по куполу зонта.

– Ну, а нам-то теперь, зачем этот дождь? – недовольно пробурчал Голицын.

– А он сейчас побрызжет, и перестанет, – опять же, ласково сказал Князь тьмы. – Пойдёмте.

И пока они переходили узенькую улочку, и подходили к заветной скамейке, у пруда, дождь перестал идти.

– Вот, видите – даже скамейки не успели намокнуть, – сказал Мессир, закрыв свой зонт. – Присаживайтесь, маэстро, – предложил ОН своему спутнику, и САМ тут же уселся на СВОЮ ЗАВЕТНУЮ СКАМЬЮ. – Ах, какая прелесть, – широко произнёс ОН, распахнув свои руки, как крылья.

Голицын же стоял как неприкаянный, как бедный родственник, которому не было места на этой скамейке.

– Ну, что же вы стоите, маэстро? – недоуменно произнёс

Мессир.

– Да мне как-то... Я как-то... Мне как-то неловко – не дали людям работать, – мямлил Голицын.

– Ничего, ещё успеют, – успокаивал его князь, – ещё посмотрим, что у них за кино там получится. А пока – садитесь, в ногах правды нет, как у вас говорят.

И Мессир, видимо поняв, в чём дело, поменял свою позу на более скромную, и заговорчески сказал:

– Мы сейчас с вами выпьем по маленькой, – и, оставив свою трость в покое, прислонив её к скамейке, он достал из внутреннего кармана пиджака плоскую железную флягу, и поболтал ею у себя под ухом. – Я знаю – вы любили в московском одиночестве, вот так вот, поздним вечером, купив бутылочку вина, сидеть в каком-нибудь сквере, и попивать это вино, утешаясь своими мыслями, и наслаждаясь таким одиночеством. Присаживайтесь же, друг мой, – снова пригласил ОН своего спутника.

И Голицын молча принял это приглашение, и сел на скамью, рядом с Мессиром, но всё же сохраняя некоторую безопасную для себя дистанцию.

Князь открутил крышечку, и протянул флягу своему спутнику.

– Грейтесь, маэстро, – душевно произнёс ОН.

– Спасибо, – с некоторой недоверчивостью поблагодарил тот, и взялся за холодное железо фляги. – А что это? – на всякий случай поинтересовался угощаемый.

– Хороший коньяк...

– С хорошим ликёром, – досказал догадливый собеседник.

– Да, – подтвердил Мессир

– Ну, а всё же, что за коньяк? Вы можете сказать?

– Да, «Армянский», «Армянский» – «пять звёздочек».

Пейте, – торопил угощающий.

Голицын понюхал содержимое, поднеся флягу к своему носу.

– А ликер, какой? – снова поинтересовался он.

– «Лимонный» – убеждающе сказал Князь, и снял свои очки, и спрятал их во внутренний карман пиджака. – Пейте.

– Знаю этот ликёр, – улыбнулся Голицын. – Мы этим ликёром – заглянцовывали выпитый до того шмурдяк, когда я работал в ТЮЗе. Чтобы не было амбре, – пояснил он. – Нас этому научил актёр Днепропетровской «драмы» – Коля Калинин, когда мы были там на гастролях. Это был где-то 77ой или 78ой год. Пили мы там, почему-то, почёрному.

– Да, пейте же вы! – не выдержал его светлых воспоминаний Мессир.

И тогда Голицын приложился губами к фляге, и стал пить из неё. Отпив же несколько глотков, он несколько скривился, и тут же получил из рук Князя – сигару, и, понюхав её, сказал:

– А-а-а, хорошо.

Мессир взял у него флягу, и, наконец, отпил из неё сво-

их несколько глотков. И тоже понюхал, вытащенную для себя, сигару. Потом ОН, взяв сигару в зубы, закрутил флягу крышкой, и положил её рядом с собой, на скамейку. Затем, ОН звякнул, блеснувшей золотом, зажигалкой, и дал прикурить от неё своему спутнику, и сам прикурил.

Так они сидели и молча курили, ловя тихий кайф.

– А у вас есть в своём городе – любимые места? – с лирической задумчивостью спросил Князь тьмы.

– Какие – любимые места? – не понял Голицын.

– Ну, греющие вашу душу, какими-то тёплыми воспоминаниями, и куда бы вам хотелось придти, время от времени? – пояснил ТОТ свой вопрос.

– Нет, – немного подумав, ответил Голицын.

– А у меня вот – есть, – гордо произнёс ОН, указав широким жестом руки на всю округу лежащую перед ними, – благодаря маэстро Булгакову, – задушевно прибавил Мессир, и глубоко вздохнул.

– А «нехорошая» квартира» №50, на Садовой, для вас такое же! место? – поинтересовался Голицын.

– Нет. Туда я не хожу, – коротко, и как отрезал, ответил ТОТ.

– Бросили на произвол судьбы? – поддел его Голицын.

– Нет. Туда Коровьев иногда наведывается, – ответил ОН, не отрываясь от своих радужных мыслей.

– А-а-а, – понимающе протянул ЕГО собеседник. – А как там Азazelло?

– О! – воскликнул Мессир, – у него сейчас много работы.

– Какой работы? – насторожился Голицын.

– За временем надо поспевать. Он же у нас парфюмер, – сказал это князь, и замолчал

– Ну? – не понял собеседник.

– Баранки гну! – весело ответил Князь тьмы, и так же весело захохотал, видимо, обрадовавшись своему удачному весёлому ответу.

– А всё-таки? – тоже посмеиваясь, но, ожидая ответа, сказал Голицын.

– Ну, сейчас же все помешаны на пластических операциях, например. А это тоже его сфера. Надо вникать. Ну, и так далее, и тому подобное, – скучно завывая, объяснял ОН дела своего парфюмера.

Всё это время, Голицын смотрел на Мессира. Но поскольку тот, перед питьём, снял свои зеркальные очки, а лицо его было затенено широкими полями шляпы, то Голицын видел только чёрную воронку на месте лица Мессира.

И вот, в этой чёрной воронке, вдруг ярко засверкал глаз князя!

И всё пространство над прудом и около, и сам пруд – всё засветилось жёлто-оранжевым светом. И всё это жарко пылающее пространство, было ограничено сферой огромного шара. От пруда пошло испарение. И в нагретом колышущемся воздухе, отражаясь в жёлто-оранжевом зеркале водной глади, стали возникать неясные контуры создателя «Масте-

ра» и его героев. Был тут и Коровьев, в своём треснувшем пенсне, вытянувшийся во всю длину диаметра шара; и Азазелло со своим торчащим изо рта клыком. И наглая морда Бегемота, и едущий по рельсам трамвай, и Та, во имя которой всё это творилось Им. А может, это была Маргарита. Кто знает?

Разжижаясь в нагретом воздухе, ОНИ улыбались, подмигивали, и, казалось, приплясывали.

Голицыну стало невыносимо жарко.

Но вот шар, с невыносимой жарою, стал уменьшаться. Он становился всё меньше и меньше, пока, наконец, не стал совсем маленьким, как теннисный мячик. И в таком виде – он нырнул в пруд, и утонул там. Раздалось лёгкое короткое шипение водной глади, от места того порхнул белый дымок, разошлись небольшие круги по воде, и всё стихло, и замерло.

– Ну, как? Узнали свою картинку? – прозвучал сочный баритон Мессира.

Голицын же молча отпускал свой галстук, вертя головой, и спасая горло от удушья.

– Нет, Мессир, вы ни на минуту не даёте расслабиться, – посетовал Голицын, – это какой-то кошмар.

– Разве это кошмар?! Вот, до войны – был кошмар! – пошутил Князь тьмы, подражая голосу и интонациям боцмана Дули. И сам же этому засмеялся.

Вечерняя Москва зажгла свои огни. Засветились окна домов. От пруда, наконец-то, пахло влажной свежестью.

– Пора, – сказал Мессир.

ОН надел очки, взял трость, и поднялся со скамейки.

– А флягу? – напомнил ему Голицын.

– Пусть лежит здесь, – повелительным тоном произнёс Мессир, – может, какому-то горемыке срочная помощь требуется.

И изящно работая тростью, ОН зашагал обратно по Малой Бронной.

Голицын следовал за НИМ.

Из дверей Театра выходила публика.

«Не успело стемнеть, и спектакль кончился, – подумал Голицын, – что значит – лето».

Спутники дошли до Тверского бульвара, и свернули налево.

– Так, значит, помогаете жаждущим с похмелья горемыкам? – задал неожиданный, для князя вопрос, Голицын.

– А что же здесь такого? – не понял шагающий вперёд князь.

– Да вспомнился мне один тяжёлый случай, из моей далёкой практики.

Князь тьмы молчал.

Тогда Голицын продолжил:

– Как-то, по утрам, мне было очень плохо. Внутри и снаружи всё дрожало. Я кое-как оделся, и отправился к ребятам на хату, потому что, у меня денег не было ни копейки. Шёл я, шёл. Дошёл до широкого нашего проспекта Будённовско-

го. Спустился до трамвайной линии, на Текучёва. Оставалось меньше пол пути. Но чувствую – не дойду, умру. Повернул назад, пошёл обратно. Умру – так дома, подумал я. Иду. И вдруг вижу – передо мной, на асфальте лежит новенькая пятирублёвая бумажка. Подул лёгкий ветерок, который стал осторожно медленно подвигать к моим ногам эту пятёрку. Я огляделся вокруг, но на этом отрезке, обычно людного проспекта, не было ни души. Как будто всех ветром сдуло. Тогда я нагнулся, и поднял эту новенькую гладкую пятёрку.

– Ну и что? – поинтересовался князь, у замолчавшего спутника своего.

– Что. Зашёл в кафе под названием «Бригантина», взял сто граммов коньяка, потому что другого ничего не было тогда, и таким образом – выжил, в тот раз.

– Понимаю, – отозвался князь, – вы хотите спросить – не я ли вам подбросил пять рублей. Скажу честно – не я.

– Да?

– Да.

– А было пасмурно.

– Ну и что?

– Ничего.

На пути их встретились рекламные и подъездные огни ещё одного Театра, где тоже завершался театральный разъезд.

– Театр имени Пушкина – бывший «театр Таирова» – со знанием дела воскликнул Голицын.

Мессир же на это никак не отреагировал.

Спутники прошли сквозь рассеянную толпу публики, и поравнялись с дворовой оградой Литинститута.

– Ну, что, – сказал, останавливаясь Мессир, – будете заходить в свои «пенаты»?

– А что уж туда заходить? – сказал, остановив свой ход, Голицын. – Это вам не театральный ВУЗ, здесь все окна уже погашены, – он подошёл к калитке, попробовал открыть её. – Вот, точно в такой же час я приехал сюда в первый раз – думал, что здесь меня будут ждать, но калитка, вот точно так же, была заперта, и мне пришлось ночевать на деревянных ступеньках, одного из залов Казанского вокзала.

Мессир подошёл к калитке, легко открыл её, и вошёл в уютный, тускло освещённый дворик Литинститута имени Максима Горького.

Голицын осторожно последовал за НИМ.

– Значит, вы его так и не закончили, – утвердительно сказал Мессир Голицыну.

– Да, восемь лет промурыжился, да так и не закончил. Терпения не хватило. А если честно, то не по себе как-то стало, устал. Приезжаешь с сессии домой, и забываешь напрочь про эту учёбу. А потом опять сессия, как снег на голову. И едешь сюда, ни черта не зная, и выкручиваешься перед преподавателями, как школьник. А школу, надо вам сказать, я ненавидел всеми фибрами своей души. Нет, я хорошо вспоминаю свою первую учительницу – Полину Тимофеев-

ну – седую, как в той песне, и строгую. Но у меня со школой ничего не получалось. На «чистописании» я писал грязно и жутким почерком. С цифрами и формулами я вообще был не в ладах. Я был тихий мальчик, я учился в двух школах, но всюду меня ругали за неуспеваемость, вызывали без конца мать, и она била меня ремнём и руками – по заднице, по морде, и, даже, по голове, что считалось, в общем – нехорошо. Пока её и вовсе не попросили – тихо забрать меня из школы, не допустив к экзаменам за восьмой класс. Да и литература, тоже... Когда я слышу выражение: «я спал в детстве, как и многие, у домашней библиотеки», то – я спал у кровати матери с отцом, впрочем, как потом – и дочь моя спала, – говорил Голицын, идя за Мессиром по дорожке, к главному старинному зданию института. – Так вот, здесь, – продолжил он, – я впервые услышал фразу, обращённую ко мне, которая меня необыкновенно обрадовала, но и повергла в шок.

– Это интересно, – отозвался, наконец, Мессир, – что же это за фраза такая?

– А-а-а, – загадочно протянул Голицын, – я то, после двух школ, учился потом в ПТУ, а, работая на «Ростсельмаше», ходил в «Вечернюю школу». Потом я закончил «Училище искусств», где меня снова мучили математикой, и мучила, между прочим, мать знаменитого на мировом театре режиссёра-отшельника, что вдвойне обидно. Так вот, после всех этих учёб, здесь – в Литинституте, я первую же свою сессию

вынужден был сдавать экстерном, чтобы ехать за своим Театром – на гастроли в Ленинград. И вот, сижу я в «преподавательской», у письменного стола, а передо мной – педагог, молодой мужчина, с усиками и бородкой. И он смотрит на меня и говорит: «Да вы не волнуйтесь, вот, я ставлю в вашу зачётку зачёт, а теперь давайте с вами рассуждать». И я понял, что до этого – я учился в одной сплошной КАЗАРМЕ. Этого преподавателя звали – Костя Кедров. Его отчества, я к своему стыду, не помню. Но за ним всегда ходили толпы студентов, и слушать его было – одно удовольствие. Застенчиво улыбаясь, он открывал нам, уже немолодым советским студентам, новый мир. Потом, уже в «Пост перестроечный» период, я с ужасом и удивлением, услышал по телевизору, что его уволили из Литинститута. «Да, подумал тогда я, значит, снова страна пошла по «особому» своему пути. И даже по более «особому», чем при Советской власти, при которой Костя Кедров – всё же преподавал. Были в институте и другие прекрасные люди, конечно, и не мало. Вот, потому-то, наверное, мне и стало, в конце концов, неловко перед ними за свою вечную неподготовленность к экзаменам. И я устал от этих предэкзаменационных лихорадок. Да и Диплом, мне был, в сущности, не нужен. Я видел, как там потели студенты, работающие в газетах, или журналах – им необходима была эта бумага, для карьерного роста. А мне – куда было карабкаться? Мне – некуда. Вот и всё.

Спутники уже шли от здания, по дорожке, ведущей в за-

росли маленького палисадника.

– А это кто? – спросил Мессир, указывая тростью на тёмный силуэт небольшой скульптуры.

– Это Герцен, если я правильно помню, – сказал в ответ Голицын. – Это же здание так и называют – домом Герцена, если я не ошибаюсь. Нет, я что-то путаюсь.

– Герцен – это тот, которого разбудили «декабристы», по высказыванию некоторых товарищей?

– Да, – не вникая в сказанное Мессиром, ответил Голицын. – Но первым, кто открыл мне глаза на мою страну, был режиссёр Ростовского телевидения – Сергей Иванович Пожарский. Это было ещё до моей службы в Армии, когда я учился на первом курсе театрального отделения. Он высмотрел меня для исполнения главной роли в телеспектакле «Альфа Центавра». Он со мной много беседовал, и в этих беседах, ненароком, он заставил меня критически посмотреть на окружающую жизнь. Правда, до него был ещё мой первый педагог по Мастерству актёра – Герман Михайлович Гуровский, которого через пол года, к сожалению, «скушали», как говорят у нас, но который, сурово глядя сквозь стёкла своих очков, в тонкой едва заметной оправе, успел привить нам вкус к настоящей литературе, заставляя читать, например: «Новый мир», Тендрякова, Юрия Трифонова и так далее, и тому подобное. Так вот, после всех этих бесед и чтений – меня точно обухом по голове ударили – и я понял, что меня, до этого, обволакивали совершенно другим видением «пре-

красной» жизни, не имеющей почти ничего общего с реальностью.

Не-ет, я не стал диссидентом, нет. Потом была женитьба, Армия, и всё как-то потеряло свою былую остроту, и легло на какой-то там полочке моей памяти. Но что особенно запомнилось мне из того времени, так это роман Джека Лондона «Мартин Иден». Его посоветовал мне – тот самый Пожарский. Дело в том, что заканчивал я читать этот роман, сидя на скамеечке городского парка, на крайней, к центральной улице, аллее. И когда я прочитал, как тонул в огромном океане – этот человек, этот человечиче, который был в моих глазах больше, чем этот бескрайний океан, я закрыл книгу, и посмотрел на кишашую людьми улицу, то эта улица, этот город и эти, суесящиеся в нём люди – всё показалось мне мелким, ничтожным и тусклым.

– А я вижу – вы разговорились, после моего коньяка, – заметил Мессир своему собеседнику, двигаясь к выходу, – как тогда на яхте, когда мы проходили шлюзы Волго-Донского канала имени В.И.Ленина, – прибавил ОН, выходя из калитки. – Прошу, – сказал Мессир бывшему студенту, указывая на выход.

Тот вышел, и Мессир закрыл за собой калитку.

– А вы, Князь, не путайте – тот мой разговор с этим, – погрозил пальчиком Голицын, – тот мой разговор – какой надо был разговор.

– Я ничего и никого не путаю, – отбивался от его претен-

зий Мессир.

Они продолжили путь по Тверскому бульвару, и перешли в сквер, что напротив «Макдоналдса».

И тут Голицына одолел напряг. Он стал исключительно серьёзен. Он вдруг сжал кулаки, и по-бычьи опустив голову, смотрел в землю.

Так они вышли на простор Пушкинской площади, где через Тверскую улицу – стоял напротив них – великий памятник великому поэту, который задумчиво-угрюмо смотрел на проходящую мимо него – столичную жизнь, и видно было по всему, как упрямо вертятся тяжёлые жернова его потаённых мыслей.

Мессир остановился, и Голицын, наконец, медленно поднял свою голову, и увидел, что у памятника Пушкину, совсем мало людей, не так как бывало прежде. Но зато – поток автомобилей был сумасшедший.

– Ну, чего мы стали здесь?! – зло зашипел он на Мессира, и лицо его налилось кровью.

– Я немного думаю, – ответил тот ломаным акцентом, и вертя головой по сторонам.

И всё же, Голицын не утерпел, и посмотрел на чуждое и незнакомое его глазу, здание, что стояло там – на противоположном углу, на месте бывшего здания бывшего Всесоюзного Театрального Общества и Центрального Дома актёра, с рестораном внизу, за зашторенными окнами которого, в темноте вечера, в те времена, таилась какая-то не ресторан-

ная тайна. Здесь была тогда неповторимая атмосфера. Здесь была душа, и была жизнь «ВО ИМЯ». Теперь же, не смотря «НА» – всё было пусто. И веяло холодом.

– Так вот, Князь, – так же зло и медленно заговорил Голицын, – когда я в первый раз попал в это здание, а бывал я здесь всего-то пару, тройку раз. И поднимался по ступеням его наверх, то сразу отметил для себя, почему-то, что лестничные пролёты здесь, туда и сюда – настолько глухо отделены от всего остального помещения, что даже очень удивительно! И вдруг я слышу, что пожар пошёл именно от лестницы, где лежали какие-то коробки. «Чушь!», – сразу же подумал я. А, Князь?! Чушь?! – наступал он на Мессира.

– Так, нам туда, – как ни в чём не бывало, сказал тот, и указал тростью вправо.

И в это самое время, вдруг раздался пронзительно-длинный турчок постового милиционера, сделавшего точно тот же жест жезлом, что и Мессир тростью. Автомобили завизжали своими резко затормозившими колёсами, и Князь тьмы двинулся через череду улиц, в сторону Красной площади.

– Что же вы молчите, князь?! – разгорячённо кричал Голицын, широко шагая вслед за НИМ. – Признайтесь, что это было не без вашего участия, князь! Признайтесь, Кня-азь!! – истошно кричал Голицын.

– Да! Да! – наконец стал отвечать ТОТ, продолжая своё неудержное движение вперёд. – Это был сигнал! на который

я ждал реакцию! Но никто, «ни одна лялечка!», как выражаетесь вы, «и не почухалась»! И это стало – НАЧАЛОМ!

– Я так и знал! Так и знал! – кричал Голицын, останавливаясь, и стуча кулаками по полусогнутым коленям своим.

Потом он снова догонял Мессира, и снова кричал:

– Вот здесь, я тогда, в холодной, голодной Москве, жрал на улице сардельки, запивая их горячим суррогатом, называемым чаем! Вот здесь – прямо напротив Главпочтамта, если написать букву «х» на перекрёстке! А там – уже стояло, зияющее чёрной пропастью окон, обугленное здание! Я так и знал! – снова и снова повторял он, горестно кручинясь головой своею. – А вы знаете, что мне вдруг вспомнилось, когда я жевал эти жуткие сардельки, заплатив за них невероятную для них цену, и наблюдая – за рыскающими себе пропитания – москвичами и гостями столицы?! Мне вспомнилось, как я, шестнадцатилетний мальчишка, махал кувалдой на заводе «Ростсельмаш», рихтуя «лыжу», которая больше похожа на конные сани! И как каждый месяц – приходила нормировщица, с секундомером в руке, после чего моё махание становилось всё дешевле и дешевле. А моему мастеру приходилось – всё приписывать и приписывать, а иначе – кто ж у него махать-то будет. И это было сплошь и рядом! А потом, когда я ездил с концертами, на отдалённые зимовки животноводов верхнего Дона – я там сталкивался с тем же самым, и как сказал мне один заведующий фермой, в Вёшенском районе, с которым встречались мы уже не впервой: «Всё бре-

шем и брешем, а что завтра-то жрать будем??». Но мы же все чудаки – верили в чудо, что есть всё-таки некие «ЗАКРОМА РОДИНЫ», и они-то нас накормят! Но теперь, никто не хотел признаться самому себе в том, что знал – когда-нибудь вся эта брехня плохо кончится.

– А вы-то сами, давали себе отчёт в этом?! – громогласно спрашивал Мессир, шагая через всё огромное пространство площади, открывшейся перед ними, наискось, мимо сгоревшего «Манежа» и ещё не разрушенной гостиницы «Москва», прямо по направлению к «дому Радищева», почему-то.

И Голицын вдруг с ужасом увидел перед собой картину – дорожно-транспортного кавардака, устроенного Мессиром, но всё же продолжал двигаться за НИМ, задыхаясь от встречного воздуха, нахлынувших прежде чувств и новых острых ощущений!

Стоявший здесь – постовой милиционер, не турчал в свой свисток, и не ругался. Он отдавал честь Князю тьмы, не обращая никакого внимания на застывшую вокруг него громаду автомобильной пробищи.

Куча же, стоявших в нетерпении своём, автомобилей – загудела, заулюлюкала, и загавкала своими сигналами и сиренами, и сверкая своими спецмигалками.

А Мессир всё шагал, и шагал вперёд, изящно работая своей красно-чёрной тростью, освещённый со всех сторон автомобильными фарами, со зла – бьющими дальним светом, по импровизированной дорожке, которую никто не смел за-

городить. Он только слегка приподнял шляпу, как Главнокомандующий, отвечающий на приветственное ликование своей армии.

– На ваш вопрос, князь, я лучше отвечу, как я стал невольным свидетелем, падения стрелки барометра, указывающей на истощение этих самых «ЗАКРОМОВ», – продолжил начатую давеча тему Голицын, с трудом поспевающий, за широко шагающим Мессиром.

– Это интересно, – бросил ему через плечо, не замедляющий шага Мессир.

– Да! Дело в том, что в те времена, у нас были в основном «КИТАЙСКИЕ ХАЛТУРЫ».

– Как это?? – не понял, хохотнув Мессир.

– Ну, бесплатные концерты, – пояснил Голицын. – Так вот, в конце 60-х – нас ездило на село большое количество разнообразных Художественных коллективов, по поводу всевозможных праздников. И там встречали нас полными столами, ломящимися от мёдов, масла, мяса, птицы, молока и водки! За столом бывало много колхозников, и начальство хвалилось перед нами – собранным урожаем, надоями, убоями и прочими их трудовыми достижениями! В начале же 70-х – я уже ездил с Эстрадным оркестром, в котором было несколько солистов, и угощали так же хорошо, но за столом с их стороны было только начальство и их особо приближённые лица. Похвалялось же начальство, в разговоре между собой, о том, в каких санаториях им довелось отдохнуть

в прошлый сезон, и куда они собираются в новый отпускной сезон. Об урожаях и надоях только вскользь, и то если мы спросим, из уважения. В середине же 70-х, кормили нас с оркестром, только в столовой – обычным обедом, но с водкой, правда, в очень ограниченном количестве. Тему о победах в битве за урожай, старались обходить стороной. В конце 70-х – водку мы брали уже с собой. А в 80-ом году, в феврале месяце меня стали посылать с уже серьёзным «Агитпоездом», в сопровождении машин ГАИ, где в веренице автобусов, находились не только артисты, но и врачи – от хирургов до стоматологов; продавцы с автолавками; представители Госкооперации и т. д. и т. п. Приезжали мы в районы верхнего Дона, и там рассредоточивались по своим точкам. Ели рано утром в какой-нибудь столовой районного центра и ехал я с малочисленным Ансамблем русских народных инструментов, из «Дунькиного клуба», в далёкие замёрзшие и занесённые снегом степи. Там, на одной из ферм мы и давали наш концерт, на который собиралось от пяти до десяти человек, тех самых зимующих животноводов. Поили тогда водкой только в Вёшенском районе, почему-то. И это – было похоже на чудо! В этой самой замёрзшей степи, из автобуса отзывал представитель Райкома – руководителя нашей группы, замечательного поэта и добродушнейшего человека Николая Михайловича Скрёбова и Вашего покорного слугу. Заводил нас тот представитель, в какой-то магазинчик, а может, это был просто сарайчик, и там, на стоящей

большой бочке, наливали в стаканы водку, и подавала хозяйка огромные солёные огурцы, на закуску. Пили молча, и ни о чём существенном не разговаривая. Тёмным вечером возвращались в саму Вёшенскую, в гостиницу, с удобствами во дворе. Но мне в гостиницу зайти не давали, а сразу вели меня в Райком партии, где дожидался анекдотов от меня, Секретарь по идеологии. Там было небольшое угощение от них и анекдоты от меня – больше никаких разговоров не велось, разве что чуть-чуть – о неважном здоровье Шолохова. Кстати, в следующую поездку, когда мы ранним утром приехали в соседний с Вёшенским – Боковский район, и, зайдя в Райком, увидели переполошившихся его руководителей, которые сообщили нам о смерти

Шолохова, то самым жутким во всём этом – было то, что не сама смерть великого писателя и их земляка потрясла их, а то, что он был кандидатом в депутаты Верховного Совета. И теперь, надо было согласовывать какие-то новые бумажки с Обкомом, а тому – с Москвой! И самый последний гвоздь в этот гроб забил один из их Секретарей, вышедший, этим самым утром, на сцену ДК, перед приехавшими участниками «Агитпоезда», и сказавший так: «Мы рады вашему приезду в нашу станицу». Потом он замолчал, подумал, и сказал: «Как-то неудобно это – станица. Я думаю, что надо говорить – город. А наши станицы и хутора переименовать в сёла, как везде. Как вы считаете?» – обратился он к залу. Но зал никак не откликнулся – в зале было гробовое

молчание. Тем более что большинство присутствующих было с большого будуна, холодных дорог «зимовки», и ровным счётом ничего и никак не воспринимало.

И Мессир вдруг расхохотался своим громовым смехом.

А Голицын, сказал, перебивая ЕГО смех:

– Так вот, уважаемый Мессир, когда кто-то говорит о крестьянах, что «хоть они и не шибко грамотны, но в их глазах есть нечто такое, чего знают только они и никто больше». То я ВАМ скажу – это «нечто» – есть то, что они сами! находятся в этих пресловутых «ЗАКРОМАХ», и знают – сколько там и чего есть на самом деле, и при каких условиях там будет прибывать, а при каких – убывать. Вот так и смотрят две всё знающие стороны друг на друга: знающее все цифры – ПРАВИТЕЛЬСТВО и знающие действительное положение дел – КРЕСТЬЯНЕ. А мы – остальные, стоим между ними, и пытаемся разгадать их молчаливо-хитрые взгляды.

– А вы любите демонстрации?! – вдруг весело спросил Князь тьмы.

– Какие демонстрации? – не понял Голицын.

– Демонстрации трудящихся! Когда там они у вас были? 1-го мая, 7-го ноября.

– О да! – радостно воскликнул ЕГО собеседник. – Я с детства любил демонстрации. По 35 линии поднимались колонны завода «Красный Аксай», и поворачивали по нашей «2-ой Комсомольской» улице. На углу, какая-нибудь бабка продавала воздушные шарики и красные флажки. Празднич-

но нарядные мать и отец, высматривали свои цеха, а мне, тоже одетому в какую-нибудь праздничную обнову, а иногда и в целый новый костюм, давали денежку, и я покупал несколько шаров и флажок. Потом мы пристраивались к колонне демонстрантов, и шли к Театральной площади. Было много музыки, все пели и плясали. Был настоящий праздник! Потом я уже сам ходил со своим «сварочным участком» в колоннах «Ростсельмаша», на демонстрацию. До сих пор помню лица наших мужиков и улыбающееся лицо мастера Ивана, которые орали во всё горло песню: «Маруся, раз, два, три! Калина, чернявая дивчина в саду ягоды рвала!» А на Театральной площади мы кричали громкое «ура!», на призывы громкоговорителей. Потом, учась, в Училище искусств, я сам уже сидел на верху гусеницы Театра-трактора, и выкрикивал в микрофон призывы, читаемые с печатного листа, а за спиной стояли люди в штатском. Со временем, правда, этот праздник померк. В душе моей померк. От чего и почему? – Не знаю.

Таким образом, спутники вышли на Красную площадь, где, почему-то, было многолюдно. Особенно в той стороне, где стоял мавзолей.

Голицын посмотрел на часы, что на Спасской башне – «нет, смена караула уже прошла», – подумал он. «Да и какая ж теперь смена у мавзолея?» И тогда, Голицын с ужасом увидел, что на мавзолее стоит их кот, во весь свой полный рост, и что-то вещает, перед собравшейся публикой.

– Мессир! – закричал Голицын, уже не обращая внимания на окружающих, – что он делает, подлец?!

– Кто? – откликнулся Мессир.

– Кто, кто! – ваш кот, в пальто!! – истошно прокричал Голицын.

– А ну-ка, – спокойно сказал князь, и стал подходить поближе к тому месту, где столпился народ.

Голицын же, с волнением в груди, стал искать глазами вороную кобылицу.

– Её здесь нет, не ищите, – пробросил свою реплику князь, в сторону своего спутника.

– А где же она?

– Уже на яхте.

И тогда, Голицын стал прислушиваться, к митингующему с мавзолея, коту.

– Кто?! – орал захлёбываясь кот, – кто сказал, что Волга впадает в Каспийское море?! Это – они-и! – банда неучей, совершившая переворот в семнадцатом году, учат нас тому! Чушь! Несусветная чушь, говорю я вам!

Публика ликовала.

А кот продолжал:

– Конечно же – Волга впадает в Каспийское море! И это знает любой ребёнок! Но она впадает туда совсем иначе, а не так, как учат нас они! Мы-то это, с вами знаем, господа, как никто. Верно я говорю?!!

– Ве-ерно-а-а! – неистово орала публика.

– Так что, пора переделать эти контурные карты! Говорю я!

– Ура-а!! – скандировала публика.

– Но мы на это твёрдо скажем, товарищи, этим господам – «не позволим!». Не позволим переделывать вам общепринятые всем миром – контурные карты!

Публика была в восторге.

– Наша Волга будет течь только своим! Нашим! Особым, никому неизвестным, путём!

Толпа взорвалась новым одобрительным ором.

Голицын же, с удивлённо выпученными глазами, повернулся к Мессире, и сказал:

– Он же говорит белиберду.

– Как и все у вас, которые добираются до высоких трибун, – спокойно согласился с Голицыным Князь тьмы.

– Но он же противоречит сам себе! – не унимался Голицын.

– Вы совершенно правы, – успокаивал его Мессир, – но народу же – нравится.

– Судя по возгласам и по лицам – да, – с удивлением констатировал Голицын.

– Что и требовалось доказать, – поставил точку в их разговоре Мессир. – Пойдёмте, нам пора.

Голицын пожал плечами, тяжело вздохнул, и поплёлся вслед за Мессиром.

Когда же спутники застучали каблуками по булыжнику

Васильевского спуска, Голицын грустно отметил вслух:

– Да, выпаривается прорабская Москва, выпаривается.

– Что значит – выпаривается? – машинально спросил

Мессир, увлечённый своими мыслями.

– Душа её улетучивается, – с грустью произнёс Голицын, – вам это не понять, а я чувствую.

И он снова замолчал.

– Маэстро, – вдруг громко обратился Мессир к своему спутнику, когда они шли по мосту через Москву-реку, – а вы действительно поставили Горького «На дне», в этом психушном «боксе-отстойнике», да ещё – в «День смеха»?!

– Ну, во-первых – не спектакль, а сцену. А во-вторых – это я придумал для пьесы, – скучно, но, улыбаясь, ответил Голицын.

– Я так и подумал, – кричал Мессир, – как можно было творить театральное действо, под жутким прессингом психотропных таблеток и уколов?! А откуда вы взяли женщину на роль Насти, среди чисто мужской компании?! – не унился Мессир.

– Лизку, что ли?

– Да. Или вы её внаглую придумали – с потолка?!

– Нет, женщина была, – успокоил его Голицын. – На месте четвёртой палаты, действительно когда-то было женское отделение. И вот, однажды вечером, по окнам выходящим на улицу, стали бить палкой со всего маху. Зазвенели стёкла, и раздался голос молодой женщины, кричащей проклятия,

адресованные этому «боксу». Потом уже, главврач рассказал нам, что это была бывшая пациентка их больницы, и что её поймали, и что она была пьяная. Но я её так и не видел, к сожалению, окна-то с нашей стороны забиты были фанерой.

– Значит, кукушка – всё же пролетала?! – весело спросил Князь.

– Если вы имеете в виду заморскую «Кукушку», то она над тем «гнездом» и близко не пролетала – она бы там и исдохла бедолага.

И довольный ответом Мессир, захохотал своим громовым смехом!

Но Голицын, грустно продолжил эту тему:

– Вы думаете – после «психушки» меня оставили в покое? Я тоже так думал, но я глубоко ошибался. Это целая корпорация. И у неё свои монопольные интересы. Мою фамилию и все остальные данные передали в районный «Наркологический кабинет», мне стали присылать повестки, как в «Военкомат» или в «Отделение милиции», да они и связаны были с милицией. Короче, я вынужден был ходить туда отмечаться, и даже, снова делать уколы, по их настоянию. А я, от этой полицейщины, начал пить ещё страшней – в одиночку. Я замкнулся в себе – полностью. Жуть. Как вспомню – так не дай Бог! Постановки желанных спектаклей, конечно, спасали. Но потом, всё это рухнуло, вместе с Советской властью, слава Богу.

Мессир молчал. Он шагал вперёд, вдохновенно погру-

жённный в какие-то свои мысли.

А Голицын прибавил к сказанному:

– Сейчас слышу – корпорация сия опять хочет «осчастливить» собою несчастное человечество. Ну-ну, – непонятно закончил он свою горестную мысль.

А когда они уже подходили к яхте, Голицын сказал:

– Его там повяжут.

– Кого повяжут? – не понял Мессир, занятый своими мыслями.

– Кота, – уточнил тот.

– Пусть вяжут, – спокойно согласился Мессир, – больше шума будет, а нам это на руку, как у фас гофруют.

И они ступили на борт вечерней, иллюминированной золотыми огнями, яхты.

– Ваш билет с вами? – остановившись перед каким-то новым устройством, спросил Мессир у Голицына.

– Со мной, а что такое?

– Ничего особенного. Просто из-за нехватки живой силы, в связи с разукomплектованностью экипажа, – сложно отвечал ОН, – пришлось использовать электронного помощника. Покажите ему свой билет.

И Голицын увидел над собою – подмигивающий ему зелёный глаз, который, время от времени, говорил голосом Лики, с интимно-проницательной интонацией: «Ва-аш биле-ет?».

– А если я не буду показывать ей своего билета? – от чего-то заартачился пассажир.

– Не пройдёте на яхту, – просто ответил Мессир.

– А вот, я попробую, – зачем-то упрямылся тот.

– Не советуя, – так же спокойно сказал Князь тьмы.

– Пустое, – манерно произнёс пассажир, вытасченное из старого сундука чужой жизни, слово. И двинулся вперёд.

Но не тут-то было. Он не смог сделать и шага вперёд. Что-то его не пускало. Но что именно, было не понятно. У Голицына даже закружилась голова, и ему стало дурно.

– Ну, довольно вам издеваться над собственным здоровьем, – строго сказал Мессир. – Показывайте свой билет.

Очумевший пассажир молча подставил противному глазу билет свой, и слегка пошатываясь, от неравной борьбы с ним, прошёл дальше – на корабль».

@ @ @

Виталий отпрянул от стола. Выпрямил свою ноющую от боли спину. Стал массажировать позвоночник у самой шеи. Но боль, вызванная невероятным напряжением, не отпускала. И он понял, что больше не в силах читать, и вообще, сидеть у компьютера. Тогда он закрыл файл, и выключил компьютер.

16. Призраки из «Леты»

Пообедав, Виталий лёг отдыхать. А, улегшись, принялся читать при свече, но глаза его быстро устали, и он, загасив свечу, попытался уснуть, и уснул.

Но скоро он проснулся. Какое-то волнение, какое-то беспокойное чувство, вселившееся в его грудь, заставляло его спешить. Спешить вычитывать текст романа, чтобы что-то осознать, придти к какому-то решению, и поставить окончательную точку. Видимо, он боялся, что кто-то или что-то – могут ему в этом помешать.

Тогда он поднялся, вскипятил и заварил в чашке чай, зажёг в своей комнате остаток свечи, включил компьютер, открыл файл «МЕССИР», и продолжил чтение.

@ @ @

«Очумевший пассажир молча подставил противному глазу билет свой, и слегка пошатываясь, от неравной борьбы с ним, прошёл дальше – на корабль.

Голицын вышел на палубу, посмотрел на освещённый прожекторами Кремль, с его красными рубиновыми звёздами, и, вдохнув в себя свежего воздуха от реки, сел на диванчик у борта, и, наконец-то, расслабился.

Он видел, как Мессир прошёл в свою каюту. Как стала подходить публика, по одиночке и парами. И Голицын ре-

шил, что пора зайти в салон. Он встал, поправил галстук, причесался, вошёл в коридор, и двинулся к дверям салона кают-компаний.

Когда Голицын вошёл в салон, то ему в глаза сразу же бросился, стоящий за стойкой, Бэс, жонглирующий шенкелем, как заправский бармен. Его торс был так же гол и торчал над стойкой бара, что и удивило Голицына. Тогда он подошёл к карлику, и, заглянув через стойку, сразу же понял, что тот возвышается благодаря подъёмному полу под ним. Единственно, что было прибавлено к наготе Бэса, так это – белая бабочка под его подбородком, в тон к его набедренной повязке, и неизвестно на чём держащаяся, так как – шеи у карлика практически не было.

Теперь Голицын вдруг вспомнил, где он видел такую же кожу, как у Бэса. Ещё в школьном возрасте ходил Голицын с бабушкой Морей в зоопарк, куда привезена была какая-то знаменитая слониха, имени которой он сейчас уже не помнил. Но вот, шершавая грубая грязно-серая кожа её запала в память Голицына. И точно такую же кожу он наблюдал теперь на карлике. И только он подумал об этом, как тут же учуял смердящий запах, исходящий от Бэса.

– Бэс, – по-свойски произнёс Голицын, – коли, уж вы стали за стойку, то вам бы стоило и одеться, ей богу, а то ведь смердит от вас. И от этого, столичная публика у вас ничего и брать-то не будет.

– Не волнуйтесь, уважаемый, подходят и берут, как ми-

ленькие, – пробулькал он, не переставая жонглировать шенкелем.

Голицын осмотрелся, и понял, что на стойке бара выставлены блюда и напитки, а в салоне нет ни одного столика, кроме бильярдного, вокруг которого стоят пустые стулья.

«Бесплатный ужин в стиле „аляфуршет“», – догадался Голицын, с жалостью посмотрев на стоящих у стен гостей, держащих в руках своих блюда и напитки. И тут, его накрыла горячая волна: по салону грациозно прохаживалась вороная кобылица, а по стенам висели картины Репина, Васнецова, Сурикова, Кончаловского, Дейнеки... Голицын ещё раз пробежал глазами по картинам. Нет, ни одной его картины здесь не было.

Чёрная лошадь поравнялась с Голицыным, скосила на него свои большие карие глаза, дёрнула голову, зазвенев серебряной уздечкой и удилами, и демонстративно отвернувшись от него, пошла дальше по салону.

– А насчёт моего запаха, – вдруг стал отвечать, на замечания Голицына, Бэс, – так, пусть нюхают, пусть привыкают. Так распорядился ХОЗЯИН.

– Бэс, сделайте-ка мне чайку, – обратился к нему Голицын, – да погорячей.

– Уже, – сказал Бэс, прекратив свой жонгльж, и достав из-под стойки чашку парящего чая, на блюдце. – Прошу, маэстро!

– Я люблю погорячее! – повторил Голицын, не доверяя

такой быстроте обслуживания.

– Я знаю, что вы любите погорячей. Мы уже привыкли к вашим вкусам, маэстро. Пейте на здоровье.

Голицын попробовал чай – он был огненно-горячим.

– Ум-м, хороший чай, – оценил Голицын, и, дожидаясь, пока тот подостынет, стал вглядываться в публику, которая, видимо, частью уже прибыла на сеанс.

Его внимание привлекла высокого роста дама в красном, с золотыми блёстками, длинном платье, с волочащимся по полу, удлинённым сзади, как бы острыми лепестками, подолом. Оно было глубоко декольтировано и на тонких бретельках. Когда эта дама делала шаг, осматривая картины, то из-под платья показывалась её, то одна, то другая открытая босоножка, с красно-золотой перепонкой и пальчиками ног, с чёрным педикюром. На руки её, повыше запястий, был наброшен широкий черный полупрозрачный шарф, свободно опоясывающий её сзади, и ниспадающий ниже бёдер. Тёмно-коричневые волосы её были забраны вверх, и закручены некой трубой, от затылка до лба. Голицын плохо ориентировался в возрастах, особенно – женских, поэтому, он мог бы дать этой даме от тридцати пяти до сорока пяти лет. Она была красива лицом: прямой нос, тёмные глаза с колким взглядом и бровями – вразлёт. Её же морковные губы, с широким разрезом, как будто затаились, и что-то скрывали, боясь невзначай, взболтнуть это – «что-то».

Не отставал от этой дамы её кавалер. Это был коренастый

мужчина, лет пятидесяти, с блестящей лысой головой и гладко выбритым лицом, одетый в чёрный смокинг с красной бабочкой, в тон её вечернего платья.

От картин к спинкам стульев и обратно, всё время вояжи-ровала другая дама, в зелёном блузоне, берущим своё начало от её рельефно выделяющейся груди, как бюстгальтер. На талии же, блузон этот подпоясан мужским поясом, и ниспадает он из-под ремня на чёрную пышную юбку, с откровенными вырезами с боков, переплетёнными шнуровкой, через которые видны её чёрные узорные колготы, контрастно выделяющие светящееся тело её ног. Плечи и предплечье рук её были оголены, а от локтей, раздувались широченные рукава из белого пушистого материала, закреплённые на голом предплечье рук, чёрной волнистой тесьмой. На голове её была сиреневая шляпка пирожком и с небольшими полями, одетая набекрень, а из-под шляпки, к плечам спускались густые светлые волосы. На шее же её была безалаберно повязана тонкая полоска из какого-то грязно-сиреневого меха. Под острым длинным носом её были ярко накрашенные губы, сквозь которые она, то и дело, показывала свои белые ровные зубы, толи, улыбаясь, толи, щерясь от негодования на непонятно – что. И вызывающе держа длинные пальцы своих полусогнутых рук, на беспокойно играющих бёдрах.

«Какая экзальтированная дама» – отметил для себя Голицын. И ещё привлекла его взгляд, одна странная пара: он был мал и невзрачен сам собою; с модной небритостью на лице.

Одет он был в блестящий, тёмных тонов, костюм. Она же, была этакой молоденькой дамочкой, не тонкой кости. На ней была сплошь чёрная одежда, из лёгких тканей, но вся эта одежда была, казалось, порезана на куски и кусочки, и по-кроена крайне асимметрично. Так, что кругом и везде мелькали и светились фрагменты её белого тела. А то, вдруг, из-под метущегося по полу, расширенного книзу и украшенного блестящими полосками бирюзовой фольги, подола платья, в полный свой рост – выступала целая оголённая нога её, в тоненьких ремешках чёрных босоножек на невысоком каблуке и с толстенькими пальцами ног, ногти которых были окрашены в бирюзовый же цвет. Жёлтенькие волосики на её головке неопрятно свисали чуть пониже её ушей. Широкие красные губы, маленькие глазки, коротенький носик и всё её личико с острым подбородком – выказывали бесшабашное непослушание. Эта пара ни минуты не находилась рядом друг с другом. Вот и сейчас – она стояла по одну сторону бильярдного стола, попивая белое вино из бокала. А он, смотря на неё в упор исподлобья, и держа в руках её пелерину – стоял по другую сторону стола, ни на секунду не спуская с неё широко округлённых глаз своих.

Потом Голицын перевёл свой взгляд на молодую женщину, в строгом чёрном платье, с короткой причёской, аккуратно уложенных тёмных волос, нервно перебирающую пальчиками рук по своему маленькому чёрному ридикюлю. Рядом с нею находился её мужчина, с седою прядью волос и жир-

ным ртом, жуящим бутерброды, чем он и был полностью поглощён.

Далее шли одни мужчины, в общем, одинаково одетые – в тёмные костюмы и галстуки, как правило. Но все здесь собравшиеся были заряжены одним – ожиданием чего-то непонятного, хотя внешне они этого и старались не показывать.

И Голицын принялся за свой чай. Как вдруг, в салон всплыла высокая блондинка, с закрученными змейками пышно разбросанных волос, в красном платье-брюках, пошитым из полу-прозрачной ткани в поперечную межу – одна полоса, той же, непрозрачная, другая – прозрачная, сквозь которую видны были её чёрные тонкие фигурные трусики и такой же бюстгальтер. Это платье начиналось от её маленькой груди и без всяких бретелек. Плыла она в красных же открытых туфлях на квадратных каблуках. За нею, тяжело дыша, и широко раскачиваясь с ноги на ногу, вкатился толстый пухатый мужчина, в расстёгнутом велюровом пиджаке и голубой майке, и держащий в руках своих её накидку из гагачьего пуха. Она огляделась вокруг, взяла у подошедшего мужа или друга, свою гагачью накидку, игриво бросила её себе на голое плечо, и послала его к стойке бара. Он взял со стойки тарелочку с бутербродами, бокал с красным вином, и пошёл к ней, и стал перед ней, и она выпивала и закусывала с его руки, а он стоял, держа тарелочку в одной руке, утираясь носовым платком, другой своей рукою, и при этом, вертя головой по сторонам.

Голицын вернулся к своему чаю, и, взглянув на карлика, сказал:

– Так что, значит, наша баронесса окрестилась в православную веру, и нареклась Александрой?

– Да, – ответил тот, протирая тряпочкой рабочую поверхность стойки бара, – такая судьба.

– Какая судьба? – выпытывал Голицын.

– Да уж, какая выпала, в связи с её созданием, – печально проклекотал тот.

– Но я же не знаю, что было потом – после бани-то, – напомнил ему Голицын.

– А что, после бани-то, – пожал шершавыми плечами Бэс, – она ушла в дом, а рыцари её, не говоря ни слова друг другу, собрались, и разъехались по своим постоянным дворам.

– А утром? – подсказывал ему Голицын.

– А утром? Утром они сидели в сёдлах, и дожидались свою королеву, – приоткрыл продолжение рассказа Бэс. – А когда она появилась в виду их, на своём сером в яблоках коне, то Мурза-Ага, сощуриив свои глазки, сказал князю: «Какова бы ни была эта фря, а мы ей хорошего жару дали». И ещё больше сощурившись своими и без того узкими глазами, он зорко и выжидающе следил за лицом князя, исподтишка. Князь же, глядя вдаль, серьёзно ответил на это: «Или она нам дала». И Мурза-Ага залился смехом. Но потом, вдруг посерьёзнев, твёрдо сказал: «Нет, князь, она нас – одной верёвочкой по-

вязала. Шайтан-женщина. Но какого бы – фряжского она ни была рода-племени – я буду служить ей как верный пёс. Ты можешь быть покоен, князь, пока она того желает. Можешь ехать к своей молодой жене. Ждёт, небось, во Пскове?» – И Бэс затих, наблюдая за гостями, и подставляя на стойку новые блюда и бокалы с вином.

– Ну? – коротко спросил его Голицын.

– Не нукайте – не запрягли, – огрызнулся тот. И продолжил свой рассказ – Подскакала к ним баронесса, и сходу шумнула: «Жаль, что у вас не приняты рыцарские шпоры! У нас – первый ритуал посвящения в рыцари – это надевание шпор на сапоги воина! Золотых или серебряных!» – так она с ними поздоровалась. А потом приказала: «Что ж, погоняйте своих коней так, без шпор. За мной, рыцари!» – и они поскакали к церкви. Там её крестил сам настоятель, потому как, получил от неё рекомендательную грамотку, писанную архимандритом Василием. А Василий пользовался большим авторитетом, как в церковных кругах, так и в гражданском сообществе. И всё крещение прошло, как полагается – с наречением нового имени, с обетом отречения от служения дьяволу, – не мной будь сказано, – с окунанием в купель, хождением вокруг купели, надеванием белых одежд и креста, и таинством миропомазания, – закончил он, продолжая следить за гостями.

Голицын тоже обратил внимание на ещё больше притихшую публику, которая, как понял он, стала прислушиваться

к их светской беседе с карликом.

А проходящая мимо собеседников кобылица, громко фыркнула прямо в лицо Голицыну, и гордо подняв голову, пошла дальше по салону.

– А после крещения что ж, они разъехались? – тихо спросил Голицын, провожая настороженным взглядом, удаляющуюся от них кобылицу.

– Нет. Они сопроводили её до Новгорода, а там уж – разъехались, – объяснил Бэс. – Князь поехал во Псков, как и советовал ему посол Ордынский. Потом князь получил от своего сына Феодора благое известие из Золотой Орды, и, не медля, отправился туда. Был благосклонно принят ханом Узбеком, получил обратно в своё владение Тверь и всю Тверскую волость, и вернулся домой вместе с Феодором, ликуя и празднуя счастливое разрешение своего дела.

– А как же баронесса? – нетерпеливо домогался Голицын.

– А что баронесса, – невозмутимо пробублькал тот, – баронесса продолжала жить своей замужней жизнью. Конечно, ей не терпелось встретиться с князем, и они встретились однажды, когда он проезжал по Новгороду, со всей семьёй своей и свитою, наряженный в праздничный красный плащ, поверх серебра кольчуги. Баронесса, замирая, смотрела на него, и ждала, но он даже не взглянул на неё. Хотя, конечно же, он её приметил. Её нельзя было не заметить – она восседала на своём сером в яблоках коне, прямо у обочины той дороги, по которой ехал князь, и наряжена она бы-

ла в свой чёрный рыцарский плащ с огненно-красным крестом посередине.

В углу салона заржала лошадь. А к стойке подошла экзальтированная дама, в сиреневой шляпке и зелёном, небрежно сидящем на ней, блузоне, и, взяв бокал с белым вином, стала попивать из него, стреляя глазами своими, то в Голицына, то в Бэса, и при этом, брезгливо морща своё остроносое лицо.

Другие же, присутствующие здесь женщины, и некоторые мужчины, тоже, незаметно сократили расстояние между собою и стойкой бара, где вели необычную беседу странные собеседники.

– Но всё же, она была горда им и собою, – неожиданно прибавил Бэс к только что сказанному. – И она радовалась за него, – ещё добавил он.

Возникла неловкая пауза.

И сейчас Голицын учуял своим носом, как салон их наполнился чужими запахами женских духов и нахально-навязчивыми запахами мужских одеколонов. Ноздри его раздулись, он зло засопел, и встретившись взглядом своим с вызывающе-любопытным.

Взглядом экзальтированной дамы, что стояла уже совсем близко к ним, Голицын стал спиной к ней, и, наконец, спросил у карлика:

– А Мурза-Ага??

– А что Мурза-Ага? – печально пробулькала тот, – Мурза-Ага, по прошествии времени, был отозван в Орду, где

предстал перед ханом Узбеком, которого окружили там, своим теплом и заботой, с дорогими дарами – Иоанн Калита, со своими детьми. И посол Ордынский всё понял. Он вспомнил их встречу с Великим князем Московским, по дороге на Владимир, и догадался о коварных розысках и дознаниях Калиты. Но Мурза-Ага не пенял на себя. Он ведь отлично знал, что два Великих князя никак не могли бы ужиться друг с другом. И что одному из них – быть убиту, непременно. И так же знал прозорливый посол Ордынский, что победит из них тот, кто стоит за укрепление власти Княжества Московского над всеми другими русскими Княжествами. Но Мурза-Ага знал и другое, что эта единая сила Москвы – не на руку Золотой Орде. Но хан Узбек и слышать об этом не желал – хан желал лести и дорогих подношений. Так – была решена судьба князя Александра Михайловича. – вздохнул Бэс, и замолчал.

– А баронесса?? – не давал ему покоя Голицын.

– А баронесса, как вам будет ни странно, с новой энергией стала на защиту князя.

– Каким же образом?? – поразился Голицын.

– У-у-у, – протянул карлик, – она прознала от Мурзы-Ага, что Калита купил одного из людей его охраны, и тот поведал ему, что князь, баронесса и Ордынский посол, со своим немым воином – оставались всю ночь наедине, без лишних глаз и ушей. И что так – они чинили заговор против хана Узбека, и готовили на него покушение. А хану было – чего

бояться: в ту пору: в Орде познали вкус золота, денег, рабов и другого богатства. И каждый, из знатных особ Ордынских, кланов и родов, хотел больше властвовать, чтобы больше иметь. И хан, испуганный наветами Калиты о тройственном заговоре, настойчиво звал князя Александра Михайловича – прибыть в Орду! Но князь всё не ехал, боялся – чуял неладное. И вот, как спасение, он получил записку от баронессы, которая снова просила его отослать к ней Феодора, для поездки, под её патронажем, в Золотую Орду.

– Что же она задумала? – спросил с нетерпением Голицын.

– Она убедила Литовского князя Наримунта и своего мужа, что им необходимо ехать к Хану, вместе с нею, чтобы снять подозрения с Великого Княжества Литовского, вызванного невинной поездкой её в город Владимир, на могилу Александра Невского. И убедила их. И целый конный поезд, во главе с князем Наримунтом, где были и баронесса с мужем, и сын Александра Михайловича – Феодор, двинулся в путь. И вскоре прибыл в Золотую Орду.

На этом месте своего рассказа Бэс умолк, и посмотрел своим мутным глазом, в упор, на приблизившуюся к ним молодую женщину, что была одета в строгое чёрное платье и с аккуратно уложенной причёской коротко остриженных тёмных волос.

– Вы что-то хотели, мадам? – спросил её карлик, своим булькающим, как через ревербератор, голосом.

Тогда она ещё энергичней стала перебирать своими паль-

чиками по чёрному ридикулью своему, лицо её побледнело, но чёрные зрачки её глаз были неподвижны, и смотрели прямо в замутнённый глаз Бэса. Наконец она произнесла, слегка поперхнувшись собственным звуком:

– Нет, нет. Гм. Я просто хотела взять бокал красного вина, если позволите.

– Берите, мадам, оно перед вами, – дежурно ответил Бэс.

Она подошла, взяла со стойки бокал с красным вином, и, сделав два шага от стойки, остановилась, и замерла.

А Голицын, глядя на её прямую спину, отметил для себя: «По-моему, эта дама – единственная из всех присутствующих, которая поняла, что одноглазый карлик, за стойкой, это не артист из какого-то столичного мюзикла, и что всё здесь довольно серьёзно и без запаха кулис. Здесь всё – имеет совсем другой запах».

И чуть улыбнувшись, Голицын снова повернул голову в сторону карлика.

– А что же муж? Как же он отнёсся к крещению своей жены? Это же скрыть, в то время, было невозможно? – вопрошал его Голицын, отхлебнув чая.

– Он сложно к этому отнёсся, – отвечивал тот, снова протирая поверхность стойки аккуратной тряпочкой, – но успокаивал себя тем, что баронесса была зла на Папскую Церковь, а остальное приписывал её романтическому, увлекающемуся складу характера. Тем более что в то время принял православие даже брат Наримунта – Литовский князь

Ольгерд, и тоже – тайно, якобы.

– Так что же она предприняла по прибытии в Золотую Орду? – продолжал свои вопросы Голицын.

– Прежде всего, – не замедлил с ответом карлик, – она добилась аудиенции у ханши, и рассказала той всё, как на духу. Всё, как это было во Владимире.

– Как?? – изумился Голицын. – Рассказала про любовь – втроём?!

– Вчетвером, – поправил его Бэс.

– Ах, да. Ну, да – вчетвером, – поправился слушатель. – И что же ханша?

– А ханша всё поведала своему мужу Узбеку, – незамедлительно ответил Бэс.

– И что же тогда хан? – не терпелось узнать Голицыну.

– Хан согласно покивал, рассказу своей ханши, но ничего ей не ответил, на её рассказ, про откровения баронессы. И никому больше не повторял этого рассказа «о страстной любви и жёстком сексе». А всех прибывших в Орду – отпустил с миром, кроме Феодора, и обещал разобраться с возникшими слухами – по справедливости. Дело в том, – переводя дыхание, продолжил Бэс, – что хан Узбек, после такой откровенной исповеди баронессы перед ханшей, ещё больше уверился в обратном. То есть – в заговоре против него. И с этим своим убеждением, он приказал Мурзе-Ага немедленно вызвать князя в Орду, якобы для примирения.

И тогда, Мурза-Ага был вынужден убедить князя в пол-

ной безопасности его прибытия в Золотую Орду. И тот поехал. «Казалось, что сама природа остерегала несчастного князя: в то время, как он сел в ладью, зашумел противный ветер, и гребцы едва могли одолеть стремление волн, которые несли оную назад к берегу. Сей случай, казался народу бедственным предзнаменованием» – так описал тот отъезд князя, ваш знаменитый историк Карамзин.

– Ах, это Карамзи-ин, – встряла в его рассказ экзальтированная дама, продолжающая стоять здесь, опершись рукой о стойку бара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.